с Библиями

Правдивая история
из коммунистической Румынии

Дженовьева Сфатку Битти и Стивен Битти

с Библиями

Правдивая история
из коммунистической Румынии

Дженовьева Сфатку Битти и Стивен Битти

OM EAST

Originally published in English under the title
Caught with Bibles A True Story from Communist Romania
by Genovieva Sfatcu Beattie with Stephen Beattie
Copyright © 2009 by Genovieva Sfatcu Beattie and Stephen Beattie

© 2019 by OM EAST for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.
ISBN: 978–617–503–193–3

© 2009 Дженовьева Сфатку Битти, Стивен Битти

Авторское право защищено. Использование и размножение материалов публикации без письменного разрешения издателя запрещено, за исключением коротких цитат в критических и обзорных статьях.

Перевод: Маргариты Тучковой
Редакторы: С. Фотина, П. Наконечный
Graphics & Layout: OM EAST

Библейские цитаты, кроме отмеченных, приведены из Синодальной Библии

Примечание: некоторые имена в этой книге были изменены.

Посвящение

Будучи бывшей студенткой-заочницей Института детской литературы в Лонг-Ридже, Уэст-Реддинг, штат Коннектикут, в период с 1994 по 1999 год, я хотела бы поблагодарить своих замечательных наставников — Джин Соул, Этель Пакен, Вениту Хелтон, Патрицию Пфич и Кристи Холл, которые научили меня писать и помогли проникнуть в мир литературы.

Моя особая благодарность — мужу Стивену, который поддерживал меня и призывал не сдаваться, когда я вспоминала печальные события своей жизни. Он дал много ценных советов во время написания книги и помогал на всех этапах, начиная от написания первого черновика и заканчивая подготовкой окончательной версии для печати.

Дженовьева Сфатку Битти

Глава 1

Пророчество

«Как Господь привёл Эстер к царскому престолу в нужное время, так и у нас, христиан свободного мира, есть предназначение — помогать братьям и сёстрам, живущим за «железным занавесом», — подытожила я своё обращение к собравшимся на богослужении и села на скамью рядом со своими друзьями.

Шёл апрель 1985 года. Я свидетельствовала в церквях Швейцарии и только что закончила своё обращение к церкви, которая собиралась в прекрасном каменном здании. Посередине стояли длинные деревянные скамьи, разделённые проходом. Позади находился балкон. Вперёди, на столе для причастия, стояла ваза с нарциссами. Там пели под удары барабанов, сопровождение гитар и фортепиано и рукоплескали Господу. Атмосфера собрания в тот вечер была исполнена Святого Духа! Меня поразило то, сколько людей разных возрастов собрались в то воскресенье под крышей старинного здания.

— Наш пастор часто получает пророческое слово, — объяснила моя подруга Линда.

— Вот почему сотни людей собираются, чтобы услышать его, — добавил её муж Генри.

Я также очень хотела услышать слово от Самого Господа! Однако совсем не то, которое мне пришлось услышать...

Пастор был высоким мужчиной лет сорока. В конце собрания он огласил несколько пророчеств, обращённых к конкретным людям, присутствующим в собрании. Одно из них, как оказалось, было предназначено и мне.

«Господь показывает мне молодую женщину, одетую в чёрное, — начал он. — Он говорит, что завтра утром по почте вы получите плохие новости. Сатана будет пытаться использовать эти новости, чтобы уничтожить вас. Но Господь призывает вас быть мужественной и помнить историю Иова. В итоге Господь превратит зло в добро. Вот знак того, что это пророческое слово от Господа: у вас справа болит спина, но, когда вы вернётесь домой, боль исчезнет. Вот Писание, которое Господь дал, чтобы ободрить вас: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Послание к римлянам 8:28)».

«*Я одета в чёрное бархатное платье,* — подумала я. — *У меня также справа болит спина, как он и сказал, но я никому об этом не говорила*». Тем не менее я надеялась, что это пророческое слово было предназначено не для меня.

После окончания богослужения я стояла у двери рядом с пастором и приветствовала всех рукопожатиями. Потом, вместе со своими швейцарскими друзьями, я отправилась домой. Когда мы прибыли в их квартиру, то выпили по чашке горячего шоколада, и я пошла спать. Я открыла шторы, чтобы видеть луну и звёзды, поблагодарила Господа за прошедший день и быстро уснула под мягким одеялом. Отходя ко сну, я успела только подумать о том, что боль в спине прошла...

На следующее утро хозяева приготовили завтрак. Мы пили очень вкусный кофе с кипячёным молоком, именно так, как я любила, и ели свежеиспечённые булочки с домашним малиновым вареньем. Сидя за столом, через большое окно я видела восход солнца. Я наблюдала за лебедями на близлежащем озере и наслаждалась его красотой и спокойствием.

В этот момент раздался звонок в дверь. Линда встала и подошла узнать, кто там. Это был почтальон.

«Дженовьева, — сказала она, возвращаясь, — тебе телеграмма из Румынии».

В течение восемнадцати лет моя семья занималась распространением Библий, и Господь защищал нас в этом служении. Воспоминание о пророчестве, услышанном прошлым вечером, исполнило моё сердце плохим предчувствием.

Я быстро прочла телеграмму. Она была от моего брата Теодора. На кодированном языке написанное означало: «Константин пойман с Библиями. Вся семья в беде». Константин, или Костикэ, как мы называли его, был ещё одним моим братом, находившимся в Румынии.

Эта новость повергла меня в уныние, и я долго рыдала. Линда и Генри пытались успокоить меня, однако тщетно. Я пошла в свою комнату и опустилась на колени у кровати. Боль, которую я переживала, была бесконечно глубокой. Быть пойманным с Библиями в Румынии было особо тяжким преступлением, а румынские тюрьмы походили на нацистские лагеря смерти.

Я попросила Господа подсказать мне, что делать. Внезапно я поняла, что мне нужно ехать в Австрию, чтобы поговорить со Стивеном. Мы вместе и организовали ту последнюю доставку Библий моей семье.

В жилом районе Вены Стивен сидел за своим рабочим столом. Он нёс служение в миссии, команда которой занималась контрабандой Библий в Восточную Европу. Каждый год он совершал множество поездок в разные коммунистические страны, включая Румынию.

Стивен был родом из Англии. Его задачей в то время было отправлять группы молодых людей с Библиями на Восток. Это

была опасная работа. Когда транспортные средства задерживали на границе, их груз конфисковали, а членов команды нередко арестовывали. Хотя миссия и располагалась на территории свободной страны, команда всегда действовала скрытно, потому что в её поисках вокруг шныряли коммунистические шпионы. Даже в Австрии! Стивен составлял отчёты о поездках команды и вёл переписку с другими миссиями относительно состояния проницаемости границ.

Вдруг на его столе зазвонил телефон.

«Дженовьева, неужели это ты? — переспросил Стивен. — Что?! Поймали с Библиями?!»

Когда Дженовьева рассказывала о телеграмме, которую она получила, Стивен от огорчения закрыл глаза. На миг его охватил страх.

«Конечно же, приезжай, как можно скорее. Я забронирую тебе здесь комнату... Мы будем молиться за них и предадим ситуацию огласке».

Назавтра я отправилась в Австрию. Проведя весь день в дороге, я наконец добралась до Вены. Офисом миссии служил двухэтажный дом на тихой улочке. Перед ним росло вишнёвое дерево, которое в то время как раз было залито душистым цветом. Я поднялась по ступенькам и нажала кнопку звонка. Дверь открыл Стивен. Он радостно поприветствовал меня. Я последовала за ним в гостиную, где мы сели в кресла возле маленького столика. В другой части комнаты молодые люди запоминали адреса контактных лиц, готовясь к грядущей поездке. Они не были удивлены моему появлению. Казалось, они ожидали меня.

— Так что же произошло? — взволнованно спросил Стивен. Тридцатилетний парень с тёмными волосами и карими глазами

излучал глубокое сочувствие и страсть к нашему общему служению. — Насколько мне известно, все Библии и книги были благополучно распространены. Это чудо, как быстро все твои детские книги оказались в Румынии!

— Да, это правда, — согласилась я. — Мой брат был пойман с Библиями из последней доставки. У него было шесть сотен Библий и несколько сотен детских книг.

Как рада я была возможности разделить своё бремя со Стивеном и командой! Одна из присутствующих, Бекки, принесла поднос с кофе и пирожными.

— А как тебе удалось покинуть Румынию, Дженовьева? — поинтересовалась она.

— Господь спас меня, как Он спас и Даниила из львиной ямы, — ответила я. — Президент Джимми Картер вмешался, чтобы вывезти меня из Румынии. Вскоре после того, как в марте 1980 года я прибыла в США, я посетила Вашингтон. Там женщина из Государственного департамента показала мне моё имя, дважды упомянутое в докладах Хельсинкской комиссии по правам человека. Именно это дало мне возможность получить лучшую визу для въезда в Соединённые Штаты — визу политического беженца.

— Как у тебя появилась идея написать прекрасные детские книги, которые мы везли в Румынию? — спросил Стивен.

— Когда я приехала в Соединённые Штаты, одним из мест, которые больше всего очаровали и притягивали меня, были христианские книжные магазины. В Румынии ничего подобного не существует. Я часами разглядывала открытки с красивыми картинками и библейскими стихами на них.

— Христианские книжные магазины — это благословение, которое мы, на Западе, принимаем за само собой разумеющееся, — включился в разговор Тревор. Он был американец, ответственен за одно из специальных транспортных средств, используемых для контрабанды Библии.

Юные друзья Стивена хотели больше узнать о моих книгах для детей, и я с радостью поведала им свою историю...

Моими любимыми картинками в христианских книжных магазинах были рисунки из серии «Драгоценные моменты» с изображениями невинных детских лиц. Я думала, как хорошо было бы сделать библейские сборники рассказов для румынских детей, иллюстрированные такими рисунками. Я молилась, чтобы Господь помог мне.

Однажды я спросила менеджера книжного магазина:

— Кто этот художник? Как можно было бы приобрести право использовать его работы в детских книгах для Румынии?

Он засмеялся:

— Вы хотите приобрести право использовать произведения самого Самюэля Бутчера?! Это огромный и успешный бизнес в США. У вас нет таких денег.

Я спросила в другом книжном магазине и получила тот же ответ. Однако я не имела намерения сдаться так легко. Ещё в одном книжном магазине я обратилась за помощью к услужливой девушке с приветливой улыбкой.

— Я могу дать вам номер телефона компании, где я заказываю продукцию, — предложила она и протянула лист бумаги с записанным на нём номером телефона.

Помолившись, я набрала номер.

— Здравствуйте! — робко произнесла я. — Я хотела бы поговорить с Самюэлем Бутчером.

— Вы говорите с ним, — дружелюбно ответил мужской голос.

— Меня зовут Дженовьева, — представилась я. — Я так рада, что вы ответили на мой звонок. Я была изгнана из Румынии коммунистическим режимом за то, что учила детей о Боге. Я обучала их библейским историям и песням. Моя жизнь была в опасности, и в течение семи лет мне приходилось жить в подполье. У румынских детей нет ничего прекрасного.

Все серо и мрачно. Я хотела бы сделать книги с вашими красивыми рисунками. Они мне очень нравятся! Сколько будет стоить приобретение права воспользоваться ими? — моё сердце забилось ещё чаще. В ожидании ответа я затаила дыхание.

— У меня также было грустное детство, — услышала я на противоположном конце провода. — Мои родители развелись, и я пошёл по неверному пути. Однажды ночью, когда я пил в баре, кто-то рассказал мне об Иисусе и о том, что Он любит и меня. Прямо там же я пригласил Его войти в моё сердце. После этого я возложил свой талант художника на алтарь служения Ему и попросил использовать его. Тогда я и начал рисовать в этом стиле. Я хочу, чтобы моё искусство поспособствовало тому, чтобы все дети мира познали Господа.

Было видно, что Сэм был тронут.

— Я отправлю вам письмо с разрешением использовать все свои работы для иллюстрирования книг, которые будут бесплатно распространяться в Румынии, — сказал Самюэль. — Я также хочу помочь оплатить печать книг.

Молодые люди из команды внимательно слушали мой рассказ.

— Это невероятно, Дженовьева, — воскликнул Тревор. — Слава Богу!

— А когда ты написала эти книги? — поинтересовался Стивен.

— За три года я подготовила к печати шесть книг для детей: «*Căci un Copil ni Sa născut*» («Нам родился младенец»), «*Hristos a înviat!*» («Христос Воскрес!»), «*Isus e minunat*» («Иисус прекрасен»), «*Isus mi-a schimbat viaţa*» («Иисус изменил мою жизнь»), «*În seara de Crăciun şi-n alte seri*» («В канун Рождества и в другие вечера») и «*Pentru mine*» («Для меня»). Как только я заканчивала работу над текстом каждой книги, Сэм присылал мне готовые к печати фотографии. Он заплатил тысячи долларов за цветоделение, и почти на каждой странице была красивая картинка!

— А где же ты достала деньги, необходимые на печать? — удивилась Диана, руководитель девушек, наливая мне ещё чашку кофе.

— В Соединённых Штатах я свидетельствовала во многих церквях и домашних группах о преследованиях христиан в коммунистической Румынии. И Господь располагал ко мне сердца людей, куда бы я ни попала. Христиане собрали достаточно денег, чтобы напечатать сто семьдесят пять тысяч книг на высококачественной бумаге. А сотрудники типографии знали, что эти книги будут ввозиться в Румынию контрабандой, поскольку они содержат библейские истории и песни, которые я сочинила, скрываясь от полиции в своей церкви в Яссах. После печати каждого тиража они окружали поддоны с книгами и молились, чтобы Бог благополучно доставил их детям. Мой брат Теодор аранжировал мелодии песен. Он также записал выступления детского хора «Сион», основанного мною в Румынии. К каждой книге прилагалась кассета с двадцатью пятью песнями из неё.

— Это те кассеты и записи с нотами, которые я вывез контрабандой из Румынии? — вспомнил Стивен.

— Да, и какое это было благословение! — воскликнула я. — Затем я обратилась в компанию, которая записала пять тысяч копий кассет для каждой из книг. После того, как книги были напечатаны, в одной из церквей штата Огайо я встретила Ричарда Вурмбранда.

— Не тот ли это пастор, который провёл четырнадцать лет в румынских тюрьмах за веру в Господа?! — вспомнила Бекки.

— Да, верно, — кивнула я. — Он спросил меня: «Как ты планируешь доставить такое множество книг в Румынию, ведь сейчас эта страна считается одной из наиболее закрытых? Транспортные средства со специальными тайными отсеками, используемые для контрабанды Библии, одно за другим, задерживают на границах».

Но его слова влетели мне в одно ухо, а вылетели в другое. Я отказывалась терять надежду. Ведь Сам Господь побудил меня и помог создать эти книги. Я слышала, как Святой Дух нашёптывает мне: *«Неужели, Дженовьева, для Господа бывает что-либо невозможное?»*

Стивен утвердительно кивнул и улыбнулся. И сам он, и команда хорошо знали, что значит жить по вере и доверять Господу. Члены команды собрались вокруг меня, возложили на меня руки и помолились за мою семью в Румынии. Каким утешением для меня была их молитва!

Я молилась о том, чтобы Бог, который использовал меня, чтобы подарить талант Самюэля Бутчера детям Румынии, также использовал меня, чтобы спасти моего брата из румынской тюрьмы.

Однажды вечером, несколько дней спустя, Стивен пригласил меня в ресторан. Пока мы ждали, когда нас обслужат, я спросила его, как он попал в Восточную Европу. Пришёл официант и принял наши заказы. Вскоре он принёс овощной суп и австрийские роллы и зажёг на столе свечу. Мы поблагодарили Господа и начали есть. Пока мы ели, Стивен рассказал мне свою историю.

Стивен прочитал книгу *«Божий контрабандист»* брата Эндрю, когда ему было пятнадцать. Его родители учили его и трёх его сестёр поддерживать миссионерскую работу. Они раздали им копилки с разными надписями для сбора монет. Стивен получил копилку с надписью «Ливан», а одна из его сестёр — с надписью «Славянская евангельская ассоциация». Эта миссия несла служение за «железным занавесом» и помогала преследуемой церкви. О, как Стивен завидовал сестре! *«Может, мне удастся выменять свою копилку на её»,* — подумал он. Сестра согласилась, и он был очень счастлив.

Пять лет спустя, в 1973 году, будучи студентом, Стивен договорился о поездке на летние каникулы в Турцию с Полом и Дейвом, с которыми я тоже была знакома. Он знал, что им придётся проехать Восточную Европу, поэтому связался с местным представителем «Славянской евангельской ассоциации» в Англии и получил несколько адресов в Австрии, Югославии и Румынии, а также несколько Библий на сербском языке, которые нужно было передать пастору в Белграде.

По пути из Англии они остановились в деревне недалеко от Зальцбурга в австрийских Альпах. Там, в офисе этой миссии, они прошли обучение о том, чего следует ожидать, пересекая коммунистические границы. Они должны были быть готовы к тому, что случится, если их поймают с Библиями: их транспортное средство и литература будут конфискованы, а самих их могут отправить в тюрьму. Их учили не спрашивать дорогу у прохожих, запоминать адреса и не записывать их. Их учили, что можно говорить местным верующим, поскольку те, кто получат от них Библии, будут подвергаться ещё большей опасности.

В конце обучения каждый из них должен был заполнить вопросник. Последний вопрос был: «Какой стих из Писания вы бы подарили верующим в Восточной Европе?» К своему удивлению, все трое написали один и тот же стих: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Послание к филиппийцам 4:6–7).

Друзья покинули Австрию в своём «Фольксвагене» с Библиями, спрятанными в багажнике, и без происшествий пересекли границу с Югославией. Через несколько дней они прибыли в Белград, посетили пастора Якича и передали ему Библии на сербском. Пастор и его жена выразили крайнее беспокойство судьбой христиан в Румынии. В своей квартире они держали запас румынских Библий. В доме пастора Стивен

и его друзья встретили Джона, молодого англичанина. Он также хотел доставить Библии в Румынию.

Пастор Якич рассказал об огромной потребности в Библиях в Румынии. Он спросил молодых людей, готовы ли они взять сто экземпляров. Стивен поговорил с Полом и Дейвом, и вместе они решили, что могут взять только сорок. У Джона была большая машина, и он взял сто Библий. На следующее утро они покинули Белград и отправились по направлению к румынской границе. Джон выехал через некоторое время после них, чтобы не прибыть на границу одновременно. Стивен предполагал, что никогда больше не встретится с Джоном...

Менее чем через час Стивен, Пол и Дейв прибыли на границу и быстро прошли югославский паспортный контроль и таможню. Они пересекли нейтральную полосу и остановились у шлагбаума на румынской стороне. Через несколько минут шлагбаум поднялся, и автомобиль направился к румынскому таможенному посту в Моравице. Там было почти безлюдно, за исключением нескольких пограничников с автоматами. Затем пришёл сотрудник службы паспортного контроля и забрал на проверку их паспорта. Друзья ожидали в машине, мысленно молясь Богу.

Примерно через двадцать минут появился сотрудник таможни.

— У вас есть оружие? — спросил он Стивена.

— Нет, — ответил Стивен.

— Есть наркотики?

— Нет!

— Есть ли у вас порнографические материалы?

— Нет!

— Есть ли у вас Библии?

Стивен кивнул, потянулся, достал с заднего сидения три английские Библии и передал таможеннику. Тот забрал их и исчез на длительное время. Наконец он вернулся и вернул Библии.

— Откройте багажник, — приказал он. Сердце Стивена бешено забилось. Таможенник окинул содержимое багажника

быстрым взглядом и знаком показал Стивену, что его можно закрыть. Им вернули паспорта и помахали вслед.

Стивен никогда не забудет радости, которую он испытал, когда шлагбаум поднялся и они впервые въехали на территорию Румынии. Сотрудники таможни не нашли сорок Библий на румынском языке, спрятанных под туристическим снаряжением молодых людей.

— Это чудо! — радостно воскликнул Дейв, как только они пересекли границу. Все трое возблагодарили Господа.

Когда путешественники въехали в Румынию, им показалось, что они вернулись во времени на пятьдесят лет назад. Примитивные дома по сторонам дороги были окрашены в яркие цвета. По улицам сновали утки и гуси, коровы и лошади, свиньи и куры. Аисты гнездились на колёсах от возов прямо на дымоходах. Дети улыбались и приветливо махали проезжим иностранцам.

На следующий день Стивен с друзьями прибыли в Рашнов, небольшой городок в центре страны. Они передали привезённые сорок Библий христианской семье.

Мы закончили трапезу, но разговор продолжался. Я спросила Стивена, как он узнал мой адрес. Он объяснил, что после того, как они доставили сорок Библий, они покинули Румынию и поехали в Болгарию. На ночь они решили остановиться в кемпинге. Когда они прибыли туда, было уже поздно, и кемпинг был переполнен. Они объехали несколько кругов в поисках места для парковки.

— Единственное свободное место — под этой лампой, — сказал Пол. — Никто не хочет парковаться здесь из-за комаров и других насекомых.

Однако у друзей не было выбора, кроме как поставить машину прямо здесь и рядом с ней разбить палатку. Они пытались уснуть, но безрезультатно. Клопы и жуки заползли в их палатку и в спальные мешки, а комары кусали безжалостно. Друзья и

не подозревали, что это место Господь приготовил для них по известной тогда только Ему одному причине...

Проснувшись на следующее утро, они увидели, что их автомобиль припаркован рядом с другой машиной из Англии. Это был Джон, который как раз возвратился из Белграда! Изумлённые, они радостно приветствовали друг друга.

— Как прошла поездка в Румынию? — спросил Стивен.

— Не очень хорошо, — ответил Джон. — На границе мои Библии нашли и вернули меня в Югославию. Но, по крайней мере, их не конфисковали. Я хочу попробовать ещё раз. Стивен заглянул в паспорт Джона и увидел жирный штамп со словом «*Anulat*» на румынской визе.

— И не пытайся вернуться в Румынию с этим паспортом, — сказал он. — Твоя виза аннулирована.

Стивен кратко переговорил с Полом и Дейвом. Всем троим было ясно, что эта встреча — не случайность. Они точно знали, что Господь хочет, чтобы они вернулись в Румынию с ещё одним грузом Библий.

— Мы могли бы взять у тебя сорок Библий, если бы ты дал нам адрес своего контактного лица, — предложил Стивен.

Джон нашёл небольшой клочок бумаги и написал: «Марку Ничифор, Сэрэри-страда, 32, Яссы». Они запомнили адрес и уничтожили записку.

Господь снова помог Стивену, Полу и Дейву безопасно пересечь границу. Через несколько дней они прибыли в город Яссы. Стивен вошёл в гостиницу и нашёл карту города. К его удивлению, улица, которую они искали, была чётко обозначена. Он запомнил, как добраться до неё. Друзья припарковали машину возле величественного Дворца культуры в центре города и притворились обычными туристами. Как только стемнело, они отправились пешком на Сэрэри-страда, неся сорок Библий в полиэтиленовом пакете.

Они пришли на улицу и нашли номер тридцать два. Это была церковь. Друзья толкнули железные ворота, затем попытались открыть входную дверь, но она была заперта. Они обошли сзади. Там тоже никого не было.

— Господи, — молились Стивен, Пол и Дейв, — пожалуйста, пришли кого-нибудь, чтобы принять у нас эти Библии!

Вдруг позади них раздался звук шагов... Это была я, Дженовьева!

Мы допили кофе, и я с благодарностью посмотрела на Стивена. Мы вместе прославили Господа. Я знала, что это была божественная встреча.

— Спасибо, что рассказал мне свою историю, — сказала я. — Она укрепила мою веру в это трудное время.

«Как же Господь спасёт мою семью? — думала я. — *Увижу ли я их когда-нибудь снова?»*

Глава 2

Последний груз

В ночь ареста Костикэ его дети спали в доме на Петра Рареш-страда в центре Ясс. Шестилетний Тео и четырёхлетняя Дженовьева были очень похожи на мать. Тео любил помогать отцу ремонтировать машины. Возможно, когда-нибудь он станет таким же инженером-механиком, как и Костикэ.

На той неделе мои братья в Яссах были очень заняты. Они перевозили тысячи Библий и детских книг в безопасное место и теперь чувствовали себя уставшими. Костикэ, Теодор и их жёны, Эстера и Эрцсо, работали за ночью ночь, и до пятницы всё шло хорошо. В течение многих лет они получали и распространяли Библии, пока президент Николае Чаушеску со своей страшной Секуритате (орган исполнительной власти в Социалистической Республике Румыния, сочетавший функции спецслужбы и политической полиции) не объявил войну Библии.

Была середина ночи, и на улице, обсаженной дубами и елями, было тихо. Спали даже собаки. С кухни, через плотно завешенные занавески, проливалось немного света. Эстера приготовила крепкий кофе и подала его со вкусным домашним пирогом Костикэ, Теодору и Эрцсо. Эстера, которая работала фармацевтом, была также и хорошим поваром. Она знала, как приготовить борщ и *козунак* на десерт.

Во дворе роскошно цвела вишня. Костикэ дорожил своей прекрасной кареглазой женой, у которой были красивые

изогнутые брови и тёмные волосы, свисающие до талии. Он восхищался тем, как она хорошо ухаживала за цветочными клумбами во дворе их одноэтажного дома, на которых цвели нарциссы, красные и жёлтые тюльпаны и лилии. Двор окружала низкая каменная стена с железным забором. Это был любимый дом, хороший дом их семьи. Эстере также нравились вьющиеся каштановые волосы Костикэ, его зелёные глаза и улыбка, всегда осенявшая его лицо, а также его способность выполнять всю необходимую работу. Во дворе стояла «Дачия Универсал», принадлежавшая пастору их церкви, Иосифу Моркану, и одолженная у него на эту неделю.

Четверо допили кофе и вышли во двор. Они выстроились в цепочку от сарая до машины. Все были очень уставшие, а коробки — тяжёлые.

— Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать коробок, — подсчитал Теодор.

— Почему бы вам сегодня не провести вечер дома? — предложил Костикэ Теодору и Эрцсо, когда они собирались сесть в машину. — Отпустите меня одного. Тогда, если что-нибудь случится, арестуют только меня.

— Костикэ, не говори так, — ответил Теодор. — Вот уже много лет, как мы работаем вместе. Мы не отпустим тебя одного. Нам лишь бы вернуться домой к трём часам, чтобы немного поспать. В шесть мне на работу...

— Тогда поехали, — прошептал Костикэ, садясь в кресло водителя. — Мне также рано на работу.

Теодор сел на пассажирское сиденье, а Эрцсо — сзади.

— Да хранит вас Бог! Возвращайтесь скорее! — прошептала на прощанье Эстера, открывая ворота.

— Мы вернёмся через несколько часов, — пытаясь быть как можно более убедительным, успокоил её Костикэ. По крайней мере, на это он надеялся...

Автомобиль выехал, и Эстера закрыла за ним ворота.

Теодор и Эрцсо поженились всего несколько месяцев тому назад. Теодор был невысокого роста с каштановыми волосами и голубыми глазами. Он был врачом, и пациенты любили его, потому что он был добр к ним. Он выписывал рецепты для бедных и часто сам оплачивал приобретение лекарств. Эрцсо была привлекательной молодой женщиной венгерского происхождения, стройной с тёмными глазами и короткими волосами. Она изучала географию и английский в университете. Теодор и Эрцсо жили в доме в нескольких минутах ходьбы от Карл Маркс-страда.

— Каким благословением будут эти Библии! — сказала Эрцсо.

— Да, для нас они приносят радость каждый раз, когда мы получаем их, — подхватил Теодор. — Когда я впервые увидел прекрасные детские книги, написанные Дженовьевой, я плакал от радости.

Костикэ медленно ехал по тёмной узкой уличке, полной выбоин, то и дело потирая сонные глаза.

— Как только мы выедем за пределы города, всё будет хорошо, — тихо произнёс Теодор.

Когда машина проехала мимо большого дома, яростно залаяла собака. Чтобы ободрить присутствующих, Костикэ начал цитировать наизусть любимый псалом. «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни».

Затем Костикэ свернул за угол на Культурия-страда. В этот момент посреди дороги прямо перед ними откуда ни возьмись

появился полицейский. Взмахом регулировочной палки он приказал автомобилю остановиться.

— О нет! Только не это! — воскликнул Теодор.

— Что делать? — запаниковала Эрцсо.

— Бегите. Я ничего о вас не скажу, — приказал Костикэ. — Обязательно закопайте Библии. Я постараюсь уехать и спрятать наш груз в лесу.

Костикэ съехал на обочину и опустил окно.

— Actele la control! Водительские права и удостоверение личности, — рявкнул офицер дорожной автоинспекции. Он смотрел на них так, как будто хорошо знал их.

— Что в этих коробках? — спросил он. — Открывай багажник!

Инспектор сзади обошёл машину.

— Заводи мотор и давай уедем, — едва слышно прошептал Теодор и повернул ключ в замке зажигания. Однако двигатель не завёлся.

В страхе все переглянулись.

Костикэ попробовал ещё раз, но и на этот раз двигатель не сработал. Машина прокатилась вперёд несколько метров и без причины остановилась. Казалось, той ночью против них были направлены все силы тьмы.

Инспектор подбежал к окну водителя.

— Так ты ещё и пытаешься бежать?! — воскликнул он, резким движением выхватывая ключ из замка зажигания.

Затем произошло нечто странное. Инспектор побежал в противоположном направлении, как будто кто-то позвал его в конце дороги.

— Бегите! Бегите! — закричал Костикэ.

Теодор и Эрцсо выпрыгнули из машины, подбежали к ближайшему забору, перелезли через него и исчезли в темноте. Они пробежали через сад, перелезли ещё через один забор и оказались на глухой улочке. Все собаки яростно лаяли на чужаков, потревоживших их спокойствие. Беглецы же

направились по закоулкам и просёлочным дорогам к тайнику, где хранились Библии.

Инспектор вернулся к машине с водителем такси в качестве свидетеля. Костикэ задержали и доставили в Департамент государственной безопасности, где семью Сфатку уже неоднократно допрашивали за распространение Библий, Божьего Слова.

В тот весенний день на обед в офисе миссии в Вене повар принёс контрабандистам Библии колбасу и рис. Пахло вкусно, но я едва могла есть. Я пригладила волосы, связав их бархатной лентой, которая подходила к моему голубому платью. Я всё время думала о том, в каком бедственном положении находится моя семья. За столом Стивен сел напротив меня. Он был одет в шерстяной свитер и вельветовые брюки. Я посмотрела на него, и его уверенный взгляд успокоил меня.

— Я чувствую, что это месть президента Чаушеску, — тихо произнесла я. — Я свидетельствовала о бедственном положении христиан в Румынии почти во всех штатах Америки. В 1980 году, после того как я дала интервью одной из нью-йоркских газет, мне позвонил румынский шпион и начал угрожать по телефону. «Больше ни слова о преследованиях в Румынии, — сказал он. — А не то тебе перережут горло, положат в мешок для мусора и выбросят на мусорник. И никто никогда не узнает, что с тобой случилось».

— Звучит страшно! — заметил Тревор.

— В другой раз я свидетельствовала в Индиане, — продолжила я свой рассказ. — На встрече присутствовал пожилой человек, который слушал меня с большим интересом. Это был высокий, полный мужчина в толстых очках. После встречи он отвёл меня в сторону и сказал: «Я увидел твою фотографию и рекламу

твоего выступления в газете. Ты — хороший оратор. Я служил в ЦРУ и теперь вышел на пенсию. Я знаю всё о зле коммунизма. Твоё имя — хит в списках коммунистов. Я бы посоветовал тебе каждые три месяца менять место проживания». «Большое спасибо, — ответила я. — Но в Библии Господь в Книге Притчи 31:8 повелевает мне: «Открывай уста твои за безгласного...». Он защищал меня в Румынии, Он же защитит меня и здесь».

К этому времени молодые члены миссии закончили обед. Бекки принесла для всех яблоки. Она повернулась ко мне и сказала:

— Теперь я понимаю, почему ты чувствуешь ответственность за то, что произошло с твоей семьей. Они рискуют жизнями, чтобы помочь другим. Господь в Евангелии от Марка 8:35 сказал: «...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». Поэтому, хотя ситуация сейчас и кажется безнадежной, Господь исполнит своё Слово. — Спасибо, — ответила я. — Мне так необходимо было услышать это!

Я продолжила рассказывать историю, которая произошла весной 1984 года. Меня пригласили выступить в меннонитской церкви в штате Огайо. На встречу со мной ехала Рейчел, девушка из общины амишей. В старом здании церкви собралось около 150 человек. Все присутствующие там были одеты просто и сидели на деревянных скамьях. Они спели несколько песен, затем пастор представил меня. Как обычно, я говорила о преследовании верующих. Все слушали меня внимательно. Во время выступления я заметила странную пару, сидящую на последней скамье. Мужчина был крупным и выглядел коренным румыном, но одет был в чёрный меннонитский костюм с высоким воротником. Женщина, сидящая рядом, была маленькая и коренастая, одетая в простое платье и накидку. Её короткие волосы были покрыты традиционным для амишей белым чепцом. Когда я говорила, то чувствовала, что они не

согласны со мной. Продолжая свидетельствовать, я заметила, как мужчина встал и вышел на улицу.

«*Что он задумал?!*» — подумала я.

Служение длилась около двух часов. Потом мы с Рэйчел отправились домой по тихой просёлочной дороге. Однако через пару миль моя новая машина внезапно остановилась. Я вышла и подняла капот.

Как раз в этот момент рядом с нами остановилась машина. К моему ужасу, это была та странная пара. Мужчина открыл окно, посмотрел на меня и спросил:

— Вам нужна помощь?

— Да! — ответила я.

Он вышел и начал проверять двигатель.

— Я не могу вам ничем помочь, — сказал он. — Вам придётся отвезти машину в ремонт. А сейчас садитесь к нам, мы отвезём вас домой.

— Нет, нет, спасибо, — уверенно отказалась я.

— Пожалуйста, поедем с нами, — настаивала его жена.

— Нет, нет, мы не можем.

Затем мужчина посмотрел мне в глаза и прошипел сквозь зубы по-румынски:

— Я знаю, кто ты.

— И я тоже знаю, кто вы, — уверенно ответила я. — Вы — румынский шпион и работаете на посольство Румынии.

Я чувствовала себя так, будто попала в ловушку. В страхе Рэйчел схватилась за мою руку. Я тихо молилась: «Господи, помоги нам!»

В этот момент мы увидели свет фар приближающегося автомобиля. Вскоре рядом с нами остановилась машина молодой пары, также присутствовавшей на встрече. При их появлении румыны сели в машину и умчали прочь.

— Это Дженовьева! — услышала я.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь? — поинтересовалась жена.

Я объяснила им, что произошло с машиной. Мужчина заглянул под капот моей машины, нашёл выдернутый провод и подключил его.

— Кто-то, должно быть, специально выдернул его, — сказал он. — Сам он вряд ли мог выпасть.

После этого моя машина больше не ломалась. Домой мы добрались около полуночи.

Молодые люди слушали с большим интересом.

— Значит, Чаушеску повсюду внедряет Секуритате... — задумался Стивен.

— Но и у Господа везде есть Свои ангелы! — парировала Диана.

В другой раз, в сентябре 1984 года, я свидетельствовала во Флориде. Я остановилась в доме, принадлежавшем пожилой паре. Я заметила, что возле дома всё время стояла машина, из которой за мной наблюдал мужчина.

Церковь, которая пригласила меня, опубликовала расписание моих выступлений в газетах и по телевидению. В воскресенье Линн, девушка лет двадцати, приехала, чтобы отвезти меня на вечернее собрание. С ней были три подружки. Я сидела на переднем сиденье рядом с Линн. Выехали мы около пятого часа. Я заметила, что машина, стоявшая у дома, последовала за нами.

Мы ехали по прямой дороге с двумя полосами движения, с обеих сторон окружённой лесом. Девушки говорили о школе и о своих друзьях, а я пребывала в своём собственном мире. «*Что же задумал тот мужчина?*» — размышляла я.

Краем глаза я следила за преследовавшей нас машиной в зеркало заднего вида и тихо молилась. Молясь, я ощутила присутствие сверхъестественной силы. Моё сердце исполнилось мира, и я знала, что рядом со мной — ангел, который пришёл, чтобы защитить меня.

Кроме той машины, ехавшей позади нас, других транспортных средств не было видно. Через мгновение вперёди появился пикап, идущий навстречу нам по противоположной стороне дороги. Когда он приблизился, я увидела, что у него огромные колёса и в нём, по крайней мере, два человека. Мужчина в машине сзади переговаривался по рации с людьми в пикапе. Внезапно он резко пошёл на обгон, а пикап выехал на нашу полосу и направился прямо на нас.

— Что он делает?! — испуганно воскликнула Линн.

Девочки закричали от ужаса. Линн съехала на обочину, а затем — в канаву. Грузовик промахнулся, но тотчас же развернулся и последовал за нами в кювет, пытаясь ударить нас сзади. Мы чуть не перевернулись, однако Линн умело вывела машину обратно на дорогу.

К этому времени на дороге появились другие машины, и грузовик уехал в противоположном направлении.

— Я никогда в жизни ещё так не пугалась, — немного успокоившись, призналась Линн.

— Мы все могли погибнуть, — испуганно произнесла её подруга.

Я же знала, что нас спас Господь. Линн высадила меня у церкви, а сама с девушками поехала в полицию, чтобы написать заявление об инциденте. Позже сотрудники ФБР сообщили мне, что в этом районе действует коммунистическая ячейка, члены которой готовили на меня покушение.

Американцы в команде были потрясены этой историей.

— Как далеко готовы зайти коммунисты, чтобы заставить замолчать тех, кто их разоблачает! — вздохнула Бекки.

— Я продолжала свидетельствовать в церквях, потому что только таким образом я могла помочь своему народу Библиями и едой. Теперь в беду попала моя семья, и бремя ответственности за них лежало на моих плечах.

— Дженовьева, я понимаю, что ты чувствуешь, — сказал Стивен. — Я также чувствую себя ответственным за то, что произошло, потому что я помог организовать ту доставку Библий.

— Спасибо, Стивен, — ответила я. — Твоё участие облегчает моё бремя.

После того, как мы впервые встретились в 1973 году, Стивен продолжал путешествовать в Восточную Европу почти каждый год. В 1981 году он стал членом миссии в Австрии. Именно тогда он начал доставлять Библии в больших количествах, по тысяче за раз. В целом, во время диктатуры Чаушеску, он был в Румынии восемнадцать раз. Моя семья была среди его лучших знакомых, и как приятно мне было знать, что он мог часто встречаться с ними.

Во время последней поездки Стивен, вместе с другим молодым англичанином, Роджером, посетил Теодора. Это было время общенационального запрета на использование частных транспортных средств с целью экономии топлива, и на дорогах появлялись только правительственные и иностранные транспортные средства.

Я поинтересовалась у Стивена, как живёт моя семья. Шёл уже пятый год с тех пор, как я в последний раз видела их, поскольку въезд в Румынию был для меня запрещён.

У моих родных всё было хорошо. Они сказали Стивену, что в стране не хватает Библий, а детских книг нет вообще. Стивен встретился с ними в доме Костикэ и Эстеры. Там были и Теодор с Эрцсо, и моя мама. Они расспрашивали обо мне, а также обсуждали свои дела. Стивен спросил Костикэ и Теодора, смогут ли они справиться с большой партией Библий, в несколько тысяч. Теодор заверил его, что смогут, и спросил, может ли он передать мне несколько видео- и аудиокассет. Стивен согласился, поскольку в фургоне был хорошо оснащённый тайник. Теодор сказал, что через несколько дней у него будет ещё одна кассета с записями детского хора, и попросил Стивена заехать за ней.

Иностранцы вернулись в свой фургон, припаркованный за Дворцом культуры в центре города. Они проехали небольшое расстояние и остановились из-за спущенного колеса. Было слишком поздно, чтобы пытаться отремонтировать его, поэтому у них не было выбора, кроме как провести ночь в фургоне на обочине дороги.

Утром возле их автомобиля «случайно» остановился ремонтный грузовик и предложил помощь. Стивен заметил, что человек, ремонтирующий шину, выглядел виноватым, как будто он знал, кто вывел её из строя.

В тот вечер они прибыли в Пятра-Нямц и посетили Виктора Тырникериу, брата моей подруги Сильвии. Они припарковали фургон в тени на задворках многоэтажного дома и поднялись по бетонной лестнице в квартиру. Виктор и его жена Михаэла тепло приветствовали гостей. Михаэла подала каждому по чашке мятного чая и куску пирога с сыром. Затем они обсудили с Виктором дела. Виктор с радостью согласился принять большую партию Библий. Именно в тот момент раздался стук в дверь. Виктор посмотрел в глазок.

— Быстро, — прошептал он. — Спрячьтесь в спальне и молчите. Это Секуритате!

Курьеры молча стояли за закрытой дверью и слушали. «*Неужели это конец? Неужели нас арестуют? Что будет с Виктором?*» — думал Стивен.

Когда сотрудники службы безопасности покинули дом, Виктор объяснил:

— Они проверяли так называемую «гостевую книгу», в которой мы обязаны записывать имена и адреса всех посетителей, включая родственников, даже если они пришли в дом всего на десять минут. Если мы кого-то не запишем и нас поймают, то оштрафуют на трёхмесячную зарплату.

Стивен понял, что Секуритате ищет их. Он знал, что им нужно немедленно уходить. Виктор сказал, когда можно было

уйти, и они быстро сбежали вниз по лестнице и сели в фургон. Вокруг никого не было видно, однако, когда они направились обратно в Яссы, за ними последовала машина. На ночь они остановились в отеле в городе Роман. Отправившись в дорогу на следующее утро, они снова заметили позади себя машину. Стивен решил, что им не следует возвращаться к Теодору, а ехать прямо к венгерской границе, которая находилась в двух днях езды.

На дорогах практически не было других транспортных средств, поэтому заметить слежку не составляло труда, хотя в каждом округе Секуритате использовала разные автомобили. Прибыв в Клуж, курьеры остановились у *cofetărie,* дорожного кафе, чтобы купить пирожных. Четверо мужчин в красной «Дачии», следовавшей за ними, стояли на другой стороне дороги. Роджер подошел к их машине, предложил им пирожное и сказал: «Мы так долго ехали вместе, что должны разделить десерт!» Однако румыны притворились, что не понимают иностранца.

Когда курьеры прибыли на границу, их сразу же спросили:

— Были ли у вас проблемы?

— Нет, только спустило колесо, — ответил, улыбаясь, Стивен.

Затем офицер подошёл к их машине и приказал:

— Все — на выход!

Пассажиры вынесли из автомобиля свои личные вещи. Затем таможенники тщательно обыскали фургон, а также их вещи и кошельки.

— Заезжайте на рампу для осмотра транспортного средства, — приказал один из них.

Полчаса они изучали конструкцию автомобиля и, ничего не найдя, очень расстроились.

Христиане благополучно пересекли границу и вернулись на базу в Вене. Таким образом, Господь снова сохранил Стивена на границе.

— Стивен, то, что ты тогда привёз, было очень важно для меня и моего служения, — сказала я.

— Будь мужественной, Дженовьева, — ответил он. — Господь спасёт твою семью!

Эти слова вновь вернули меня к моим проблемам. «*Где сейчас Костикэ, Теодор и остальные мои родные? Что я могу сделать, чтобы спасти их?*» — думала я.

Костикэ, Эстера, Тео и Дженовьева,1982 г.

Тюрьма в Яссы, где Костикэ был с июля по сентябрь 1985 г.

Теодор и Эрцсо Сфатку, лето 1985

Глава 3

Ночь допросов

В ночь на 19 апреля 1985 года Костикэ доставили на заднем сиденье полицейского автомобиля в управление службы безопасности города Яссы. Во внутреннем дворе его вывели из машины, его руки были за спиной в наручниках. Ещё один сотрудник полиции пригнал машину пастора и выгрузил на стол, стоящий во дворе, коробки с литературой. В присутствии Костикэ он пересчитал Библии и детские книги, а затем начал составлять протокол: «Константин Сфатку пойман при транспортировке 600 Библий, 200 детских книг и 500 карточек со стихами из Писания». Костикэ подписал протокол как обвиняемый, а водитель такси — как свидетель.

Оттуда Костикэ повели через чёрный ход по коридору в кабинет для допросов. Там его уже ожидали два офицера. Это была большая комната с паркетным полом и окном напротив двери. Справа за столом, на котором стоял телефонный аппарат и лежало несколько бумажных папок, сидел человек в штатском. Рядом с ним стояло кресло и металлический шкаф. На стене висел огромный портрет президента Чаушеску, а в дальнем левом углу — синий, золотой и красный румынский флаг. Костикэ сел на жёсткую деревянную скамейку, стоявшую перед столом, всё ещё одетый в зелёный вельветовый костюм.

— Вчера вечером тебе не повезло, да? — ухмыльнулся Алдея, офицер в штатском.

— Президент Чаушеску лично приказал арестовать всю вашу семью, — присоединился к разговору следователь Негру. Ему было за тридцать. Он был одет в костюм цвета хаки и галстук. — Разве тебе не известно, что президент объявил войну Библии и начал её прямо здесь, в Яссах? Быть пойманным с Библиями — тяжкое преступление!

— Первым в списке был твой брат Теодор. А ты — вторым номером. И вот, наконец, вы оба — у нас, — сказал Алдея, довольно потирая руки.

«*Неужели Теодор также арестован?!*» — встревожился Костикэ.

— Где ты взял Библии? — строго спросил Негру, поправляя очки.

— Их привезли иностранцы, — ответил Костикэ, бледнея.

В тот миг он подумал о жене и детях. «*Что скажет им Эстера утром, когда они проснутся?*» Ему вспомнилось, как накануне вечером он целовал их перед сном.

Негру ходил взад-вперёд, ровно выпрямив спину и заложив руки в карманы, демонстрируя свои коммунистические награды, вывешенные на пиджаке.

— Как зовут иностранцев?! — потребовал он.

— Ой... Кажется, Микки, Ники и Рики, — неуверенно ответил Костикэ.

— Ты что, издеваешься? — разозлился Алдея.

— Они не назвали свои полные имена.

— Твой брат — в соседней комнате, — крикнул Негру. — Говори правду!

— Ему будут задавать те же вопросы. Если ваши ответы не совпадут — вам конец! — закричал Алдея.

Мысль о том, что его брат также арестован, была невыносимой. «*Господи, помоги нам!*» — взмолился Костикэ.

— На чём приехали иностранцы? — продолжал допрос Алдея.

— Кажется, у них был австрийский фургон, — ответил Костикэ.

— Какой регистрационный номер?

— Я не знаю.

— Какой они национальности? — спросил Негру.

— Я говорил с ними по-английски.

— В какой организации они работают? — спросил Алдея.

— Они не сказали.

В дверь постучали, и дежурный офицер принёс серебряный поднос с двумя бутылками холодного пепси, двумя чашками кофе и двумя кусочками шоколадного торта. Костикэ получил только стакан водопроводной воды.

Он вспомнил, как когда-то, когда он был ещё студентом машиностроительного института в Яссе, его семья получила множество Библий от «Открытых дверей», миссии брата Эндрю из Голландии. В фургоне прибыли две девушки, Атти и Патти, они заехали во двор в темноте и быстро разгрузили плотные чёрные пластиковые мешки, наполненные Библиями, кратко помолились с семьёй и уехали. Через час они вернулись; Атти сообщила, что у них проблема с фургоном, и попросила Костикэ о помощи. Он поехал с ней в лес, где фургон был припаркован на обочине тихой дороги. Нужно было активировать механизм, открывающий секретные отсеки в стенах. Что-то пошло не так, и они не закрылись правильно. Костикэ удалось починить механизм, и девушки благополучно отправились в путь. Так впервые он увидел фургон с потайными отсеками.

Что же касается последней доставки Библий, всё было очень скрытно. Он не знал, откуда они взялись и как попали в страну. И теперь он был особенно рад своему незнанию.

— Итак, как звали иностранцев? — допив кофе, Алдея продолжил допрос.

— Я же сказал, что не знаю.

— Их возраст? — не унимался Негру.

— Они все были примерно моего возраста.

— Каким образом Библии попали в страну? — продолжал Алдея.

— Не знаю.

— Ты должен признаться, потому что нам известно намного больше, чем ты думаешь, — Алдея угрожающе посмотрел на Костикэ. — Я докажу: однажды вечером вы были во дворе дома пастора. Ты сказал, что оттуда поедете к тайнику, где вы прячете Библии. Потом ты сказал, что оставишь там Библии, пока их не распространят...

«Как же они узнали об этом?!» — недоумевал Костикэ.

— Вот, послушай запись, — сказал Алдея, включая кассетный проигрыватель.

На записи Костикэ услышал свой с Теодором разговор с иностранцами, которые привезли Библии. Несмотря на то, что деликатные вопросы всегда обсуждались шёпотом, записи были чёткими.

— Почему вы думаете, что это сойдёт вам с рук?! — злобно воскликнул Алдея.

Допрос длился всю ночь. Запястья рук Костикэ безжалостно жали наручники. *«Не остаётся никакой надежды»,* — подумал он.

Когда наступило утро, задержанного поместили в камеру в подвале управления тайной полиции. Он пытался найти утешение в 22-м Псалме: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни». Затем он медленно заснул на твёрдой тюремной койке.

Пока мужа допрашивали, Эстера лежала в постели, однако уснуть ей никак не удавалось. Она встала и пошла в детскую. Дети спали, обнимая свои игрушки. Эстера оставила дверь их комнаты наполовину открытой и тихо направилась в гостиную. Она опустилась на колени у окна, своего любимого места, и посмотрела на прекрасное звёздное небо.

«*Где сейчас Костикэ?*» — думала она.

Когда наступила полночь и Костикэ не вернулся, Эстера внезапно ощутила беду: «*Арестован ли он, избит или убит?*» Она начала бесконтрольно рыдать, не в силах остановиться.

«*Господи, забери этот страх!* — взмолилась она. — *Как я боюсь, что больше никогда не увижу его!*»

Старинные бабушкины часы пробили час ночи. Эстера поднялась с колен и пошла на кухню. Она сделала себе чашку горячего молока с мёдом. «*Возможно, это поможет мне успокоиться*», — думала женщина. Она походила взад-вперёд, утирая слёзы, а затем снова попыталась уснуть, в этот раз на диване, но тщетно. Она набрала номер Теодора и Эрцсо. Вызов шёл, однако ответа не последовало. Когда наступил рассвет, она позвонила снова, но ответа опять не было.

В восемь часов Эстера позвонила в полицию.

— Мой муж пропал. Его зовут Константин Сфатку.

Дежурный офицер проверил списки поступивших ночью. Через несколько минут ответил:

— У нас его нет.

— А вы не могли бы узнать у начальства? — умоляла Эстера.

— Сначала обратитесь в больницу, — холодно ответили на том конце провода.

Эстера набрала номер скорой помощи.

— Константин Сфатку? Сейчас посмотрю, — услышала она в ответ. — Нет... такой не поступал. Если вы уже связывались с полицией, обратитесь в морг.

Эстера позвонила в морг. Её сердце билось в отчаянье. «*Неужели он мёртв?!*»

Через несколько минут ей ответили:

— Нет, здесь его нет.

Мать Эстеры, Илеана, осталась с детьми, а сама Эстера взяла сумочку и отправилась в полицейский участок. До него было двадцать минут ходьбы. Она объяснила дежурному офицеру у главного входа, что до сих пор не может найти своего мужа, и попросила разрешения поговорить с начальником полиции. Её провели по коридору.

Эстера постучала в дверь и вошла в элегантно обставленный кабинет. Начальник полиции Захария сидел за рабочим столом в шикарном кресле. Некоторое время он игнорировал присутствие женщины, делая вид, что не замечает её. Затем поднял на неё глаза.

— Где мой муж? — спросила Эстера.

— Он в наших руках, — довольно улыбнулся начальник полиции. — Его задержали прошлой ночью по подозрению в попытке убить сотрудника правоохранительных органов.

— Это не может быть правдой! — воскликнула Эстера.

В дверь постучали. В кабинет вошёл прокурор Бадарэу.

— Вы — госпожа Сфатку, не так ли? — пафосно спросил он.

Эстера кивнула.

— Ваш муж уже признался в совершении преступления, — продолжал Бэдэрэу. — Он подписал повинную, и его ждет срок от пятнадцати до двадцати лет.

— Это неправда! Это не может быть правдой! — запротестовала Эстера. — Ваши обвинения ложны.

Эстера расплакалась, а мужчины рассмеялись. Она вышла из кабинета и побежала домой, безутешно рыдая и не обращая внимания на то, что на неё смотрят прохожие.

Придя домой, Эстера рассказала о произошедшем матери.

— И как сообщить об этом детям? — вздохнула она.

— Господь даст тебе правильные слова, — утешила дочь Илеана. — Пойду приготовлю завтрак.

Илеана накрыла на стол, разложила овсянку в миски, вылила на неё варёное молоко и принялась готовить яичницу с помидорами.

— Где папа? — спросил Тео, входя на кухню в пижаме. Он сел за стол, а его сестра — рядом с ним.

— Злые полицейские арестовали вашего папу, — ответила Эстера. — Он не сделал ничего плохого. Помните историю об Иосифе, которую я читала вам из Библии?

Тео и Дженовьева кивнули. Их рты были полны еды.

— Иосифа арестовали и посадили в тюрьму за то, чего он не делал. То же самое случилось и с вашим папой. Нужно молиться, чтобы Иисус скорее вернул его к нам.

— А мы можем увидеться с ним? — спросила четырёхлетняя Дженовьева.

— Не сейчас, — ответила Эстера, и её сердце вновь пронзила острая боль.

Эстера опустилась на колени, а её мать и дети последовали за ней. Вместе они молились: «Господи, благослови нашего папу. Позаботься о нём. Пусть у него будет еда и одежда. Не позволяй плохим людям причинить ему боль и поскорее верни его домой! Аминь».

Новость об аресте Костикэ быстро распространялась среди членов церкви, и вскоре дом Эстеры наполнился друзьями. День и ночь братья и сестры в Господе шли, чтобы утешить её. Они вместе читали Писание и молились. Однажды Ленуана Роман, пожилая молитвенница из церкви, прочитала ей стихи из Писания: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас... Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? ... Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Послание к римлянам 8:18, 35, 37).

Друзья из церкви приходили и приносили для Эстеры еду и цветы. На следующий день было воскресенье, и она с детьми

отправилась в церковь. Пастор Иосиф Моркан с кафедры молился за Костикэ, прося, чтобы он был сильным и чтобы все члены семьи Сфатку обрели утешение от Господа.

Каждая молитва, каждая песня, каждый стих из Писания имел для Эстеры такое огромное значение! Некоторые члены церкви взяли обязательство два дня в неделю поститься за Костикэ. Церковь решила каждый вечер проводить молитвенные собрания, чтобы ходатайствовать перед Богом за семью Сфатку.

Эстера получала телефонные звонки и телеграммы со всей Румынии и из-за рубежа, которые свидетельствовали ей о том, что она — не одна в этом испытании.

В это время я ещё была в Вене. Пока я пребывала в общении с другими верующими, которые ободряли и поддерживали меня, я крепилась, но как только оставалась одна — сразу же начинала плакать. Я представляла Костикэ и Теодора в цепях, голодных и холодных, избиваемых Секуритате.

Я получила известие о том, что мои друзья в Швейцарии организовали кампанию по написанию писем ободрения для моей семьи. Они также отправляли ходатайства за них в посольство Румынии в Берне. Это очень ободрило меня. Я знала, что коммунисты вершили свои дела во тьме и жутко боялись разоблачения. Я хотела, чтобы о моей семье узнал весь мир!

Из Австрии я вернулась домой в Соединенные Штаты. Я позвонила своей подруге Чар Бинкли, директору христианской радиостанции, которая уже несколько раз брала у меня интервью о моей жизни в Румынии. «*Господи, используй Чар, чтобы распространить информацию о моей семье*», — молилась я, и Господь услышал мою молитву...

Чар снова пригласила меня на интервью. Многие люди заказали у радиостанции кассету с интервью. Так она попала в

руки конгрессмена Тома Ринера. Он и его жена сообщили мне, что они — со мной в этом горе. Они сделали копию кассеты и отправили сенатору Джину Хаффу в Кентукки. Джин был также пастором пятидесятнической церкви и голосом преследуемой церкви в Вашингтоне, в округе Колумбия.

Сенатор Хафф и его жена пригласили меня погостить недельку у них в Кентукки. В своём доме они выделили для меня прекрасную комнату. Специально для меня Этель приготовила румынское традиционное блюдо из капусты и испекла свежие булочки. Они поддерживали, ободряли меня и молились за меня и мою семью. Я также свидетельствовала в их церкви, что очень помогло облегчить моё бремя.

Сенатор Хафф был членом совета Международной христианской солидарности. 13 мая 1985 года эта организация опубликовала в *«Нью-Йорк Таймс»* статью на целую страницу с фотографиями моих братьев Костикэ и Теодора. Это было открытое письмо протеста президенту Чаушеску против ареста с призывом немедленно освободить их.

Конечно же, *«Нью-Йорк Таймс»* облетела весь мир, и христиане повсюду молились за мою семью.

О, как благ Господь!

AN OPEN LETTER TO PRESIDENT NICOLAE CEAUSESCU, BUCHAREST, ROMANIA

Dear President Ceausescu,

We are deeply concerned with the recent imprisonment and mistreatment of Constantin Sfatcu, of Iasi, Romania, who was arrested by police for possession of Christian literature. We fear, as in past cases, false charges will be fabricated against him. Teodor Sfatcu is also being implicated in this case. This is clearly in violation of the Helsinki Final Act, which recognizes the "freedom of the individual to profess and practice, alone or in community with others , religion or belief acting in accordance with the dictates of his own conscience."

The American people cherish this freedom to worship as they choose, as an inherent right of every individual. This freedom is jealously guarded by the American people. They cannot rest while others are being denied this basic human right.

Mr. President, we hope the case of Constantin and Teodor Sfatcu will be resolved quickly. This action, we feel, would be looked upon favorably by The United States Congress as it begins it's annual discussion of Most-Favored-Nation trade status for Romania.

Sincerely,
CHRISTIAN RESPONSE INTERNATIONAL

DEAR AMERICAN CITIZEN, *YOUR* CONCERN CAN MAKE A DIFFERENCE!

YOU *CAN HELP CONSTANTIN AND TEODOR SFATCU BY:*

1. CALLING AND WRITING PRESIDENT REAGAN, asking him to consider the Sfatcus' case as he evaluates 1985 renewal of Most-Favored-Nation trade status for Romania. (An agreement giving Romania significant trade benefits with the U.S., thus bolstering the Romanian economy). *Please call and write:*

PRESIDENT RONALD REAGAN
THE WHITE HOUSE
1600 Pennsylvania Avenue N.W.
Washington, D.C. 20500
(202) 456-7639

2. EXPRESSING YOUR CONCERN TO YOUR CONGRESSMEN, about the case of Constantin and Teodor Sfatcu. Ask them to consider this gross violation of human rights in the upcoming Most-Favored-Nation trade status hearings. All U.S. Senators and Representatives can be called at (202) 224-3121.

3. CALLING AND WRITING THE ROMANIAN EMBASSY IN WASHINGTON, D.C., asking for the immediate release of Constantin Sfatcu and an end to the harrassment of Teodor Sfatcu. *Please call and write to the following:*

Ambassador Nicolae Gavrilescu
Embassy of the S.R. of Romania
1607 23rd Street N.W.
Washington, D.C. 20008
(202) 232-4747
(202) 332-4722

CHRISTIAN RESPONSE INTERNATIONAL
Box 24042 • Washington, D.C. 20024 • Phone: (301) 984-9707

Открытое письмо президенту Чаушеску в поддержку Константина и Теодора Сфатку, опубликованое в «Нью-Йорк Таймс», 13 мая 1985 г.

Глава 4

Закопанные Библии

После того, как в ночь ареста Теодор и Эрцсо бежали из машины, они добрались до тайника, где хранились Библии. Вырыв яму, сложили Библии в пластиковые пакеты и закопали их в землю. Затем прикрыли кучей хвороста. Это заняло всю ночь. Закончив работу, они отправились к своей квартире в Яссах, где стояла их машина. Не заходя домой, они сели в автомобиль и помчали к дому матери на Джордже Кошбук-страда.

Было ещё совсем рано, но мама, коренастая женщина лет шестидесяти, уже встала и ходила по дому, одетая в домашний халат.

— Что случилось? — спросила она, когда в дом вошли Теодор и Эрцсо.

— Ночью нас с Библиями поймала полиция, — едва слышно прошептал Теодор. — Костикэ арестован!

— О, нет! — простонала мать. Её тёмные глаза наполнились болью и тревогой.

— Он сказал нам бежать, — продолжила рассказ Эрцсо. — Мы выбежали из машины и побежали к тайнику, чтобы закопать оставшиеся Библии.

— Мама, скажи всем, чтобы они тоже спрятали свои Библии, и сообщи дяде Авраму, — попросил Теодор.

— Да, конечно, — едва смогла произнести она. — Я дам им знать.

Мама жила с двумя внуками, Кориной и Юлианой, которых она воспитывала с тех пор, как они были ещё маленькими. Дети все ещё спали.

Недавно она сделала весеннюю уборку, и дом был безупречен. Торжественно тикали большие деревянные часы на стене кухни, а на столе стояла ваза с красными и жёлтыми тюльпанами из сада, яркие цвета которых казались такими смелыми в то страшное время. Старый шерстяной ковёр с голубыми и розовыми розами, сплетёнными в узор, был изношен, но безупречно чист.

— Быстренько поешьте что-нибудь, — предложила мама. — Я испекла сладкий хлеб с грецкими орехами и ванилью. Кто знает, когда вы снова поедите.

Она покачала своей коротко подстриженной седоволосой головой и дала им по чашке кофе с кипячёным молоком:

— Вы оба выглядите такими уставшими!

Теодор и Эрцсо ели и пили в спешке.

— Быстро уезжайте из города и спрячьтесь где-нибудь, — посоветовала она. — Скоро придут и за вами.

Мама обняла их:

— Да хранит вас Господь! — прошептала она вслед, когда машина отъезжала.

Теодор и Эрцсо пытались покинуть город как можно быстрее.

— Поедем по Пэкурар-страда и доберёмся до Тыргу Фрумос, — сказал Теодор. Они поехали вниз по склону, однако уже через пять минут увидели вперёди полицейский пост.

— Тогда попробуем поехать до Васлуй, — предложила Эрцсо, когда Теодор разворачивал машину. Они проехали с километр вверх по склону до главной дороги, но полиция заблокировала и этот путь.

Теодор попробовал воспользоваться третьей дорогой, которая могла вывести их из города, но повсюду была полиция.

— Тогда попробуем через лес, — в отчаянье произнёс он. — Это наш последний шанс.

Они проехали по грязной грунтовой дороге, полной выбоин, окружённой кустами и деревьями, и обнаружили, что она никуда не ведёт. У них не оставалось выхода, кроме как вернуться обратно в дом мамы.

Вскоре начались облавы и обыски. В дом Эстеры ворвались шесть сотрудников Секуритате и начали обыскивать комнату за комнатой. Они конфисковали все Библии и христианскую литературу. Ещё шесть человек делали то же самое в доме мамы.

Внезапно к дому мамы подъехала ещё одна машина Секуритате с ещё шестью сотрудниками. Один из них постучал. Дверь открыл Теодор.

— Buletinele la control! — потребовал офицер. Он проверил удостоверения личности Теодора и Эрцсо. — Вы двое арестованы. Вот ордер на обыск. Теперь едем в вашу квартиру.

Теодор и Эрцсо поехали в свою квартиру на Карл Маркс-страда, а машина Секуритате последовала за ними. Это была двухкомнатная квартира на первом этаже двухэтажного дома. Теодор открыл дверь и впустил своих нежеланных гостей.

В коридоре висело зеркало, под которым Теодор и Эрцсо оставили свои туфли. Гостиная была просторной, а полы покрывали хлопковые ковры. Стены украшали их свадебные фотографии, наряду с картинами Марии Лазэр, художницы из церкви. В зале стоял рояль Теодора, а напротив — диван и два кресла. Один угол занимала виолончель хозяина. В огромном книжном шкафу стояли сотни книг. Кухня была маленькой, а кладовая — полна солёных огурцов и банок с клубничным и вишнёвым вареньем, закрытых Эрцсо.

Среди шести присутствующих были начальник отделения полиции города Яссы, главный прокурор, полковник службы государственной безопасности, ещё один офицер и два свидетеля.

Прокурор приказал:

— Задекларируйте всю иностранную и румынскую валюту, находящуюся в вашем распоряжении.

Владение иностранной валютой вообще и крупными суммами румынских лей было уголовным преступлением и вело к серьёзному наказанию.

— У меня нет иностранной валюты, а в леях — зарплата всего за два месяца, — спокойно ответил Теодор.

«Слава Богу, что несколько дней назад я раздал все деньги нуждающимся. Господи, защити нас! Не позволь им найти список с именами получателей финансовой помощи и мои записи!» — про себя умолял Теодор.

Представители властей начали обыск с книжного шкафа. Они брали книгу за книгой и перелистывали каждую в поисках заметок и вложенных документов. Затем скрупулёзно изучили дневники, тетради и фотоальбомы, а также прочитали все письма Теодора и Эрцсо.

Они постоянно звонили куда-то и принимали звонки, то и дело получая и отдавая приказы. Было ясно, что они общались с управлением госбезопасности в Бухаресте. Высшие власти считали дело семьи крайне серьёзным, поэтому и решать их положение надлежало именно им.

Теперь офицеры добрались до места, где Теодор и Эрцсо прятали списки. Начальник полиции схватил их и покачал головой.

— Только посмотрите! — довольно причмокнул он и передал списки прокурору.

«Господи! — в мыслях воззвал к Богу Теодор. — *Почему же Ты позволил им найти эти бумаги?»*

Списки были написаны его рукой и являлись отчётным документом о том, как он использовал доверенные ему деньги. В них значились имена верующих со всей Румынии, которые получили помощь, а также соответсвенные им суммы и подписи. Найдены были также и другие конфиденциальные документы, касающиеся церквей, подписанные их старейшинами. Офицеры,

проводившие обыск, с удовлетворением рассмотрели документы и сочли их ценной находкой. Они положили их на стол, вместе с другими конфискованными материалами.

Теодор посмотрел на документы, лежащие на столе. *«Господь не ответил на мою молитву!»* По крайней мере, так думал он...

Теодор знал, что эти документы представляют собой достаточно доказательств, чтобы отправить его в тюрьму, поскольку оказание любой помощи преследуемым верующим было строжайше запрещено. Этот список с подписями был также доказательством и того, что через его руки прошло много денег.

— Сделаем перерыв, — через несколько часов обыска скомандовал полковник.

Он посмотрел на Эрцсо и сказал:

— Мы пока покурим на балконе.

— Да, конечно, — ответила она. — Хотите по творожнику и стакану яблочного сока?

— Спасибо, — сдержанно ответил полковник.

Три офицера вышли на балкон покурить. Через несколько минут Эрцсо вынесла им поднос с угощением. Она поставила его на небольшой столик, где сидели мужчины, и с улыбкой произнесла: «Угощайтесь!»

Офицеры, которые оставались со свидетелями в квартире, были заняты чтением каких-то документов. Они казались очень уставшим. Эрцсо принесла пирог и сок также им.

— Спасибо, — воскликнул офицер с явным восторгом. Его рот был забит едой.

В этот момент Теодор поймал на себе взгляд Эрцсо и понял, что она хочет сказать. Вмиг он схватил списки и другие документы со стола и побежал в ванную. Он разорвал бумаги на клочки, бросил их в унитаз и слил воду. Потом он вышел и спокойно вернулся в комнату.

Один из свидетелей заметил и что-то прошептал офицеру. Офицер подумал, что Теодор что-то спрятал и тщательно обыскал

его. Он заглядывал в каждый карман, в подкладку одежды, даже в его туфли и носки — но, конечно же, ничего не нашёл.

Прошло ещё пятнадцать минут, и трое высших чинов вернулись с балкона. Поиск продолжался ещё четыре часа. В половине третьего Теодора и Эрцсо привезли в полицейский участок. Христиане и не надеялись, что они снова будут свободны. Однако после подписания протокола обыска, около полуночи, им разрешили вернуться домой.

На следующий день было воскресенье, Теодор и Эрцсо пошли в церковь. Зал был переполнен. Всем было известно о случившемся. Братья и сестры долго и искренно со слезами молились за Костикэ, Эстеру, Теодора, Эрцсо, маму и за всю семью Сфатку. Они утешали их словами из Библии и несли бремя их страданий вместе с ними. В зале, однако, было много сотрудников службы безопасности, одетых в штатское. Их видно было по злому выражению лиц. Им, конечно же, не нравилась поддержка, оказываемая семье. Что эти члены церкви позволяют себе?

В июне 1985 года я остановилась у своей подруги Вероники Жусман, которая жила недалеко от города Акрон, в штате Огайо. Её маленький белый домик с резной террасой, полной красной герани, был столь же красочным, как и её хорошо подобранная яркая одежда, и такой же аккуратный, как её заплетённые седые волосы под шарфом. Хотя ей было за семьдесят, она все ещё была высокой, хорошо сложенной женщиной. Она старательно заботилась о своём огороде, где выращивала ряды салата, зелёного лука, петрушки, укропа, огурцов и помидоров. В саду росли вишнёвые деревья, которые давали щедрый урожай сочной вишни. Под одной из вишен стояла деревянная скамейка, где я любила сидеть, читать Библию и молиться за свою семью.

Там было так красиво! Но на сердце у меня было очень грустно. Я постоянно плакала о своей семье, страдающей в Румынии.

— Обед готов, Дженовьева, — голос Вероники нарушил мои мрачные раздумья на скамейке.

— Уже иду, — откликнулась я. Я вошла в дом и села на деревянный стул за кухонным столом.

— Я приготовила тушёное мясо с горохом и укропом и салат, — улыбнулась она.

У меня не было аппетита.

— Мне, пожалуйста, небольшую порцию.

Мои мысли были с моей семьёй в Румынии: *«Есть ли у них еда, есть ли хоть кусок хлеба? Есть ли у них вода?»*

«Дженовьева, — сказала мне однажды Вероника, — я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так много плакал. Тебе нужно довериться Господу».

Вскоре после того, как открытое письмо Чаушеску относительно моей семьи было опубликовано в выпуске *«Нью-Йорк Таймс»* от 13 мая, я заметила у дома Вероники машину. Я узнала в ней румынского шпиона. Машина следовала за мной, куда бы я ни шла.

— Никуда не ходи одна, — настаивала Вероника. — Я везде буду с тобой.

Однажды ночью в спальне, стоя на коленях и со слезами на глазах смотря в окно на звёзды, я просила Господа поговорить со мной. Затем я открыла Библию и прочла: «Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в мѝлотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин...» (Послание к Евреям 11:36–38). Прочитав этот отрывок из Писания, я попыталась принять всё, что может случиться с моей семьей.

Эстера и дети черпали вдохновение в любви единоверцев, которая выражалась в посещениях, подарках, телефонных звонках и письмах. Однако вскоре власти позаботились о том, чтобы у них было отнято и это.

Сотрудники службы безопасности, одного за другим, обзвонили друзей и знакомых семьи и предупредили: больше не навещать их — иначе будут неприятности. Постепенно число тех, кто осмеливался нанести визит, стало совсем небольшим. Телефон Эстеры был отключён, как и телефоны около тридцати её родственников и друзей. Никто не мог больше звонить ей по телефону. Её почта также не доставлялась, чтобы она почувствовала себя полностью изолированной. Однако никто не мог остановить молитвы. И эти молитвы поддерживали её.

Однажды утром Эстере приказали явиться в здание суда с пакетом одежды для мужа. Она надела новое хлопковое платье. Поскольку за это время она сильно похудела, платье висело на ней, как на вешалке. Она посмотрела в зеркало и причесала свои длинные тёмные волосы. С ней пошла мама, которая также надела своё лучшее платье и туфли на каблуках. Мама обычно была весёлой, но теперь она не могла заставить себя даже улыбнуться. До здания суда женщины прошли около километра.

— Мы принесли передачу с одеждой для моего мужа, Константина Сфатку, — сказала Эстера дежурному офицеру.

— Константин Сфатку? — переспросил офицер. — Видите стулья в конце коридора, гражданка? Подождите там. Сейчас кто-нибудь выйдет и заберёт передачу.

Женщины прошли в конец длинного коридора и сели на стулья. На табличке, висевшей на двери, было написано: «Уголовный розыск». Ждать пришлось около пятнадцати минут.

— Как ты думаешь, мы увидим Костикэ? — спросила мама.

— Думаю, нет, — ответила Эстера.

Но они даже и не подозревали...

Внезапно дверь открылась, и, в сопровождении конвоя, вышел человек в наручниках, с распухлым синим лицом. Сначала мать и жена даже не узнали его. Затем он встретился глазами с Эстерой.

— Константин! Костикэ! — воскликнула Эстера. Она вскочила и протянула к нему руки.

— Сын мой! Сыночек! — едва слышно простонала мама. Она обхватила голову руками и зарыдала.

— Разговоры запрещены! — крикнул офицер. — Оставьте передачу и идите домой!

Их сразу же вывели из здания.

Женщины шли домой рука об руку, то и дело утирая слёзы.

— Они всё очень хорошо спланировали, чтобы причинить нам ещё больше боли, — вздохнула Эстера.

— С ним обращаются как с преступником, хотя его единственное преступление состояло в том, что он распространял Слово Божье, — рыдая, едва выдавила из себя мама.

Однажды вечером, в доме Вероники, сидя в мягких креслах, я рассказывала ей о той ночи, когда фургон, наполненный Библиями, застрял ещё до того, как покинул ворота церкви.

Это произошло зимой 1978 года в румынском городе Яссы. В то время Библия была запрещённой книгой, и получить её можно было единственным способом — через отважных контрабандистов Библии с Запада. Мне было двадцать семь лет и я жила в церкви на полуконспиративном положении.

В течение многих лет я была контактным лицом для контрабандистов Библии. Бог защищал меня, но я была готова умереть за Него. По крайней мере, я так думала до той декабрьской ночи...

Меня не раз предупреждали во время допросов:

— Если поймаем тебя с Библиями, хотя бы с несколькими, — посадим!

— Сначала поймайте, — спокойно отвечала я. Нарядно одетый офицер не мог не заметить мира, которым был исполнен мой взгляд.

Была полночь. На Сэрэри-страда стояла мёртвая тишина. Спали даже собаки. Окна домов были тёмными. Снег мягко покрывал землю. Серое здание церкви было окружено ёлками. Оно казалось таким же тихим, как и окружавшие его дома. Тяжёлые ставни на окнах были плотно закрыты, гардины — затянуты, а ворота — крепко заперты. Однако во дворе мы усердно трудились в темноте. Тихо, как только могли.

— Сколько их? — спросила я Чарли, коренастого лысоватого брата из Дании, который передавал мне тяжёлые чёрные пакеты для мусора, наполненные Библиями и Новыми Заветами.

— Четыре тысячи, — ответил он на ломаном английском. — Можно распространить все?

— Да, сможем, — заверила я его шёпотом. — У нас такой дефицит Слова Божьего!

Я всегда поражалась количеству Библий, которые курьеры умудрялись спрятать в своих фургонах. Я знала, что «Чарли» не было его настоящим именем. Его жена, «Мэри», подавала пакеты из задней части фургона. Мой брат Теодор и наша подруга Елена складывали их в сарай. Контрабандисты Библии никогда не называли своих настоящих имен или адресов. Так было лучше для всех на случай, если нас поймают. Они выгружали Библии как можно быстрее, а затем быстро возвращались на границу.

— Курьеры любить доставлять литературу к тебе, Дженовьева, — сказал Чарли, — потому что ты всегда принимать весь груз. Нам намного легче не ехать в разные места. Здесь, в голубых толстых пакетах, лежать русские Библии. Хочешь?

— О да! Пожалуйста, оставьте их здесь. Я найду способ переправить их через границу. Это всего в нескольких километрах отсюда.

— Ты такая смелая! — сказал Чарли.

— Передайте нашу благодарность всем, кто посылает нам Библии. Мы любим и молимся за них, — попросила я. — Мы молимся за вас каждый день, ведь в Румынии каждый хочет Библию. Врачи даже принимают её в качестве оплаты за лечение!

— Сорок пять... пятьдесят пакеты. Все, — прошептал Чарли.

Мэри передала нам яблоки и орехи, и мы с благодарностью приняли их.

— Теперь давайте вытолкаем фургон, не заводя двигатель, чтобы не разбудить соседей, — сказала я. — Через несколько минут вы будете далеко отсюда.

Но кто же знал, что нас ожидало дальше...

Как только мы вытолкали их фургон для отдыха за угол к передней части церкви, он застрял. Передние колёса попали между бетонным диском и толстым пнём. Меня охватил страх.

Вдруг я вспомнила друга из другого города, брата Думитру, чья машина также застряла когда-то в грязи, будучи наполнена Библиями. Его также охватил страх, и он начал дрожать. Тогда ему явился ангел и сказал: «Не бойся! Многие ангелы защищают это служение».

«*Господи,* — мысленно молилась я, — *пожалуйста, пошли и нам хоть одного ангела!*»

Потом мы взялись за руки и вместе обратились к Господу, умоляя Его вмешаться в ситуацию. «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Книга Псалмов 33:8). Однако фургон оставался неподвижным.

Когда мы получали Библии, происходили всевозможные чудеса: начинался проливной дождь, перебои с электричеством, Секуритате и собаки впадали в глубокий сон... Но теперь

иностранный фургон застрял во дворе церкви. А в шесть часов служба безопасности начнёт патрулировать улицы. Они сразу заметят его — и у нас, и у них будут большие проблемы.

— Заведи двигатель, — предложила я. — Мы будем молиться, чтобы Господь послал крепкий сон на всех соседей.

Чарли завёл двигатель, в то время как остальные изо всех сил толкали фургон.

«*Двигатель издаёт такой шум,* — подумала я, — *что, наверное, соседка через дорогу уже проснулась*».

Секуритате платили ей, чтобы она доносила на нас. Она сообщала, кто и когда входил и выходил. Остальные соседи были не лучше. На улице было много больших собак. Однако, к моему большому удивлению и радости, огни в домах не зажглись. Чарли снова и снова пытался освободить «домик на колёсах» из ловушки, но безрезультатно.

— Я попробую приподнять его, — сказал он.

Через мгновенье раздался громкий треск.

— Домкрат сломался, — сообщила Мэри.

«*Может быть, Господь желает, чтобы мы отправились в тюрьму за Него,* — с ужасом подумала я. — Это *конец: допросы, избиения, заключение в холодной камере*».

— Нам лучше спрятать Библии, — предложила я.

— Да, ты права, — согласился Теодор. — Тогда, по крайней мере, нас не поймают с поличным.

— Пойдёмте, — прошептала я. — Я покажу, куда их прятать.

Каждый взял по два пакета, наполненных Библиями, и потащил их вниз по крутому склону.

— Здесь, — я указала на большую яму, где мы обычно сжигали мусор.

Мы положили туда пакеты и пошли обратно в гору за остальными.

— Мне никогда в жизни не было ещё так холодно, — дрожа, пожаловалась Елена.

— И мне, — пробормотала я. На мне были два свитера, жакет, перчатки и ботинки. Я была одета во всю одежду, которую имела. Однако это, казалось, не помогало, и мои руки онемели от холода, а губы так замёрзли, что я едва могла говорить.

— Сейчас третий час, — сказала Мэри, когда мы закончили носить Библии.

— Теперь быстро закопаем их, — сказала я. — А потом наломаем еловых веток и прикроем это место.

С помощью садовых вил, найденных в сарае позади церкви, Теодор откалывал мёрзлую землю, а я, лопатой, забрасывала ею пакеты с Библиями, пока их не перестало быть видно. Затем Елена наложила сверху еловых веток. Закончив работу, мы вернулись к церкви.

— Если нас поймают, — предупредила я, — ни слова о Библиях!

— А что будем говорить? — спросил Чарли.

— Скажем, что вы приехали к нам в гости, мы вместе перекусили, а затем фургон застрял.

Мы все были уже готовы сдаться. Все были очень замёрзшими и уставшими.

Внезапно Господь проговорил ко мне: «*Не сдавайтесь! Боритесь!*»

— Что ещё мы можем сделать, чтобы вытолкать автомобиль? — спросила я.

— Если бы домкрат покрепче... — ответил Чарли.

— Подождите! — я жестом приказала всем оставаться на местах. Мы с Теодором отперли ворота церкви и вышли. Вокруг было тихо. Мы прошли по улице через пять домов к соседу, который, как мы знали, был механиком. Я постучала в дверь. Он проснулся и вышел.

— Простите, что беспокоим вас в такое позднее ночное время, но нам нужны два крепких домкрата.

Через несколько минут сосед вернулся с нужным нам инструментом в руках и сказал: «Вернёте, когда закончите».

Мы возвратились в церковь, и Чарли приподнял фургон с правой стороны. Затем мы подставили под колёса доску. Уже через несколько минут фургон был в пути, а домкраты — возвращены владельцу.

Я заперла ворота, и мы, вместе с Теодором и Еленой, вошли в церковь. Мы тут же склонились перед Господом и воздали Ему хвалу. Было ещё совсем темно, соседи мирно спали, а к шести часам снег скрыл все следы нашей ночной деятельности.

Мы были всё ещё на свободе, а Библии — в безопасности!

Когда Вероника слушала мой рассказ, у неё по спине поползли мурашки.

— Как прекрасно, — воскликнула она, — что Господь так добр к тебе!

Я взяла её за руки, и мы вместе помолились: «Господи, пожалуйста, сотвори чудо для моей семьи!»

Глава 5

Добрый Пастырь

Шёл апрель 1985 года. Президент Чаушеску вёл войну против Библии. Из-за своего подпольного служения моя семья находилась в первых строчках списков граждан, подлежащих аресту. «Схватить всех Сфатку, — приказал он. — Всем им место — в тюрьме».

Юлиан также был Сфатку. Он задавался вопросом: «*Неужели арестуют и меня?*»

Город, казалось, замер в напряжении. Церковь охватил ужас. Многие спрятали свои Библии. Даже само слово «*Библия*» вселяло в сердца людей страх. Повсюду рыскала полиция, врываясь в дома христиан, конфискуя литературу и не позволяя верующим собираться на богослужения. Телефоны христиан были отключены, почта не доставляла корреспонденцию, общение между верующими было почти невозможным. Кругом происходили аресты, допросы, избиения.

Юлиан, которому было всего пятнадцать, находился в самом центре этих событий. Два его дяди и их жёны были арестованы, а шестьсот Библий — конфискованы. Юлиан много знал о подпольном служении.

«Чего бы ни стоило, ни слова об этом», — учили его взрослые. И он всегда следовал их совету.

Для своего возраста он был слишком мал ростом, однако очень зрелым юношей. Его вьющиеся каштановые волосы,

глубокие карие глаза и слегка заострённый нос делали его похожим на музыканта. Когда-то он и был музыкантом, однако теперь было не время играть на флейте и на гитаре. От деда он унаследовал острое чувство юмора, которое, вместе с его мужеством, часто доставляло юноше неприятности. Он помнил, что дедушка часто повторял ему: «Господь всегда с тобой, так что будь сильным и мужественным».

Сегодня бабушка, которая воспитывала Юлиана и его сестру Корину, отвела внука в сторону и прошептала на ухо: «Отправляйся в Радэуни, к дяде Авраму. Он должен получить это сообщение». И протянула ему аудиокассету.

Юлиан сунул кассету под рубашку, вытащил из ящика комода деньги и отправился в путь. Он быстро шёл по Джордже Кошбук-страда, от волнения сжимая кулаки в карманах и пиная маленькие камешки, пытаясь притвориться беззаботным. Однако внутри он был напряжён до боли. «*Помоги мне, Господи! Помоги мне!*» — повторил он про себя.

С тех пор, как Юлиану исполнилось восемь лет, его часто посылали с приказом: «Иди посмотри, что происходит». Он ходил и наблюдал за происходящим вокруг: чужие автомобили, незнакомые люди, подозрительно двигающиеся в окнах шторы и тени за ними. Он всегда приносил взрослым как нельзя более точный отчёт. И когда вокруг не было ничего подозрительного, к их дому подъезжал фургон и в темноте в их погреб выгружали Библии. Оттуда их распределяли с большой осторожностью.

«*Помоги мне, Господи, доставить послание,* — молился Юлиан. — *Если я не доставлю кассету, её получатели могут сделать неправильный ход!*»

Юлиан не оглядывался назад, но ухо держал востро. Вдруг он услышал позади себя шаги, напоминавшие звук удара об асфальт солдатских сапог. «*Неужели за мной следят?*» Он ускорил шаг, чтобы успеть на трамвай, только что подъехавший к остановке. Его преследователь тоже ускорил шаг. Юлиан

купил билет у задней двери вагона и начал пробираться сквозь толпу к передней двери, готовый, при необходимости, выпрыгнуть из трамвая.

«Я должен доставить кассету или уничтожить её», — думал он. Трамвай шёл к центру города, в направлении железнодорожного вокзала. Юлиан смотрел в окно, наблюдая за тем, как беззаботно веселятся девушки и юноши его возраста. Как отличалась его жизнь от их!

Через несколько минут трамвай прибыл на нужную остановку. Юлиан спрыгнул и побежал к станции. Он снова услышал преследующий его звук тех же сапог и побежал быстрее. Сапоги также бежали быстрее. Теперь он был уверен, что его преследуют. Нельзя было терять ни минуты. Юлиан бросился в уборную, заперся внутри, вынул из-под рубашки кассету, швырнул её на пол и начал топтать. Затем он спустил её в унитаз. Быстро оглядевшись, чтобы убедиться, что он не оставил следов, юноша вышел. Всё это заняло меньше минуты.

— Вот ты где! — воскликнул преследовавший его мужчина, пыхтя и тяжело дыша. Юлиан впервые посмотрел своему преследователю в лицо. Он был полным мужчиной лет за пятьдесят, с револьвером на боку.

— Почему ты убегал? — сердито спросил мужчина, тщательно обыскивая Юлиана. Однако безрезультатно. Он ничего не нашёл, и Юлиан вернулся домой.

— Я не смог доставить кассету, — сказал он бабушке. Он понимал важность своей миссии, и на его глаза навернулись слёзы.

— Хорошо уже то, что она не попала в их руки, — ответила бабушка, нежно глядя на внука. — Может быть, Бог даст нам ещё один шанс.

В тот же вечер Юлиан ещё раз попытался доставить сообщение. На этот раз он взял с собой свою сестру Корину. Они собрали чемодан с одеждой, спрятав кассету в него.

— Пойдём! — поторопил сестру Юлиан. После тихой молитвы бабушки они ушли. Было очень темно. Корина была на год старше Юлиана и также пережила много приключений из-за своей веры. Шёл дождь. Ветер хлестал по листьям и ветвям деревьев. Когда они приблизились к лесистой местности, из-за дерева появилась тень.

— Стоять! Не двигаться!

Сильный свет ударил в глаза и осветил чемодан. Перед ними стоял полицейский.

— Что у вас там?! — строго спросил он, указывая на чемодан.

Наступило молчание. Юлиан думал, что всё потеряно. Его сердце бешено колотилось. Внезапно он понял, что можно попробовать отшутиться.

— Библии! — ответил он и рассмеялся.

Корина также расхохоталась.

— Шутить вздумали?! — закричал полицейский и выругался. — Прочь с глаз моих, глупые дети.

Дети именно так и поступили. Они понеслись прочь и в полночь прибыли к месту назначения и доставили сообщение. Таким образом, служение подпольной церкви по распространению Библии было защищено.

В понедельник, 22 апреля, прокурор вызвал Теодора и Эрцсо на допрос. Они прибыли в здание департамента службы безопасности, и их провели в один из кабинетов. Они сели на деревянную скамейку. Справа от неё стоял стол с двумя стульями. Окна выходили на Сэрэри-страда. На стене над письменным столом висел, написанный красными буквами, плакат: «*Trăiască Partidul Comunist Românşi Fiul prea iubit, Nicolae Ceauşescu, aducătorul de fericire!*» («*Да здравствует*

Коммунистическая партия Румынии и её любимый сын Николае Чаушеску, дарящий счастье!»).

Теодор был одет в серый костюм и галстук, белую рубашку и свои лучшие туфли. Его светло-коричневые, слегка вьющиеся волосы были разделены ровным пробором. Эрцсо, нервничая, села рядом с мужем, в коричневом вельветовом платье и туфлях на каблуках. Её карие глаза выглядели грустными и уставшими.

В комнату вошёл прокурор с бумагами в руках. У него было большое круглое лицо и очки. Одет он был в шикарный темно-синий костюм. Он сел за стол и высокомерно посмотрел на Теодора и Эрцсо.

— Я вызвал вас, чтобы вы подписали признание, что в ночь на 19 апреля вы находились в автомобиле вместе с Константином Сфатку, — сказал он, подталкивая к ним бумаги через стол и указывая на место подписи. — Подпишите здесь.

Теодор взял заявление и прочитал его. Эрцсо наклонилась, чтобы тоже прочесть.

— Я отказываюсь подписывать это, — сказал Теодор, бледнея.

— Я тоже не подпишу, — поддержала его Эрцсо.

— Вы что за дураков нас держите?! Мы знаем, что произошло той ночью! — затем прокурор встал и закричал ещё громче: — Мы знаем, что вы оба бежали, и можем доказать это!

«Господи, помоги нам!» — молился Теодор. Он сжал руку Эрцсо, чтобы ободрить её.

— Вечером 15 апреля в вашу квартиру пришли два иностранца, — сказал прокурор, шагая вперёд-назад. — Вы были в столовой. Потом вы пригласили их на кухню, «более безопасное место для разговоров», как вы выразились. Они сказали, что привезли Библии. Вы спросили: «Сколько? Насколько большой ваш фургон? Руль слева или справа? С какой стороны боковая дверь?» Затем вы сказали им ехать к дому вашего пастора и ждать там. Вечером 19 апреля вы

загрузили машину Библиями. С вами были также Иосиф Моркан и Раду Булига. Потом ты, твоя жена и брат уехали. Позже той ночью полиция остановила вашу машину. Вы оба бежали. Это правда, и вы должны подписать!

Теодор сидел и думал: «*Они всё знают, но всё равно я не подпишу. Если я тоже пойду в тюрьму, кто будет бороться за Костикэ?*»

— Я отказываюсь подписывать, — твёрдо заявил он.

«*Господи, Ты помог нам бежать той ночью,* — молилась Эрцсо. — Это *наш первый год брака, и мы были так счастливы...*»

— Я также отказываюсь, — тихо, но уверенно произнесла она.

На помощь прокурору пришли другие сотрудники. Они кричали на Теодора и Эрцсо, угрожали им и допрашивали их в течение нескольких часов, однако супруги оставались непоколебимыми.

— То есть вы отказываетесь подписывать! — разъярённо рявкнул прокурор, и его круглое лицо вспыхнуло от злости. — Я всё равно найду способ упрятать вас за решётку!

По крайней мере, так он думал...

Теодор и Эрцсо шли домой рука об руку. «*Господи, защити нас от тех, кто желает причинить нам зло*», — молились они.

На следующий день на допрос был вызван пастор Иосиф Моркана. В течение сорока лет он помогал нам распространять Библии в Румынии. Когда он прощался с женой и маленькой дочерью, его лицо было, как всегда, спокойным. Затем он отправился на Ципогель-страда в Департамент службы безопасности.

«*Кто знает, увижу ли я их снова?* — думал он. — *Дай мне мудрости, Отец, что отвечать властям, как Ты и обещал. В Твоём Слове в Евангелии от Матфея 10:19–20 написано: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что́ сказать; ибо в тот час дано будет вам, что́*

сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас».

Иосифа привели в тот же кабинет, где накануне допрашивали Теодора и Эрцсо.

— Гражданин Моркан, вы должны дать показания против Теодора Сфатку. Напишите заявление о том, что в ночь на 19 апреля доктор Сфатку и его жена уехали в вашей машине вместе с Константином Сфатку, — настаивал прокурор.

— Я отказываюсь.

— Мы можем доказать, что каждое слово, которое вы сказали, и всё, что вы сделали за последние десять дней, нам известно, — продолжил прокурор. — В прошлый понедельник вечером иностранцы, которые привезли Библии, дали вам также несколько подарков. Они подарили вам костюм, вашей жене кофе, а дочери — платье. Ваша жена боялась держать Библии в сарае за домом и убеждала вас перепрятать их. Затем вы одолжили свою белую «Дачию» Сфатку для транспортировки Библий. В тот вечер вы помогли им загрузить машину. А ночью Теодор Сфатку, его жена и Константин Сфатку уехали на ней. Верно?

Иосиф молчал.

— Разве вы не пастор, не Божий слуга, призванный говорить правду? — настаивал прокурор.

— Именно так!

— Тогда почему вы отказываетесь дать показания?

— Я — пастырь, призванный Богом отдать свою жизнь за паству, а не отнять её у неё. Я не буду давать никаких показаний.

— Вы заплатите за это! — закричал разъярённый прокурор. — Идите домой!

На следующее утро прокурор вызвал Раду Булигу, младшего из братьев церкви.

— Подпишите заявление, что в ночь на 19 апреля вы видели доктора Теодора Сфатку, его жену и Константина Сфатку

вместе в машине пастора, — грозно потребовал прокурор. — Мы знаем, что вы помогали им загрузить машину Библиями.

— Я не буду подписывать.

— Если не подпишете, вашу жену отправят на принудительные работы в другой конец страны, и вы никогда больше её не увидите.

Раду недавно женился и очень любил свою жену, но он также любил Господа...

— Я не буду подписывать, — стоял он на своём.

Когда Раду ушел, прокурор вызвал подчинённого и сказал: «В тот вечер на улице видели соседа Теодора Сфатку, православного христианина. Он поздоровался со Сфатку. Езжай к нему и заставь его дать показания на Сфатку. Нам нужно найти свидетелей!»

Подчинённый отправился к соседу и изо всех сил пытался вынудить его дать показания против Сфатку, однако вернулся ни с чем.

— Я не буду давать никакие показания на своего соседа, — отрезал православный. — Доктор Сфатку — хороший человек! Он очень помог мне, когда я заболел.

— Ладно, — ухмыльнулся прокурор, когда ему доложили, что никто не дал показаний против Сфатку, — в таком случае мы пойдём другим путём!

На следующий день он вызвал на допрос всех троих: Теодора, Эрцсо и пастора Моркана. Все трое сидели в кабинете, не зная, что их ждёт.

Внезапно дверь открылась, и два конвоира втянули Костикэ. Его руки были закованы в наручники за спиной. Ему приказали пройти через комнату и стать лицом к стене. Он был бледен, вокруг глаз — синяки, на лице — выражение ужаса. Его тело дрожало, а колени стучали, не переставая.

— Правда ли то, что доктор Сфатку и его жена были с вами в машине? — спросил Костикэ прокурор.

— Да, — ответил тот дрожащим голосом.

— Вас заставили сделать это заявление? — продолжал прокурор.

— Нет, — ответил Костикэ.

Эрцсо закричала:

— Он так ужасно выглядит. Что вы с ним сделали?!

— А вы думаете, здесь санаторий? — ухмыльнулся прокурор.

Потрясенный увиденным, Теодор успел только крикнуть вслед брату, которого уже уводили:

— Мужайся, Костикэ!

— Многие молятся за тебя! — добавил пастор Иосиф. Ему казалось, что его сердце пронзили мечом.

На лице прокурора сияла победоносная улыбка.

— Теперь у вас нет другого выхода — вам придётся подписать!

— Я ничего не подпишу! — возразил Теодор.

— И я! — поддержала мужа Эрцсо.

— Я тоже ничего не буду подписывать, — сказал пастор Иосиф.

В этот раз их снова отпустили домой.

— Тогда я возьму тебя по другим обвинениям... — злобно прорычал прокурор, когда христиане вышли.

Его план состоял в том, чтобы обвинить Костикэ в покушении на убийство. Если полиция сможет доказать, что Теодор и Эрцсо были с ним и бежали, она будет иметь все основания арестовать их за соучастие в преступлении, а также обвинить в попытке бегства.

Следующим обвинением, которое пытались выдвинуть против Теодора, было обвинение в прозелитизме. Полиция обыскала дом его соседа и нашла у него Библию.

— Где ты это взял?!

— Я не помню, — ответил мужчина.

— Тебе дал это доктор Сфатку? Он навязывал тебе разговоры о Боге?

— Нет!

Мужчина понимал, что обвинение в прозелитизме неизменно повлекло бы тюремное заключение.

Следующей попыткой было «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй». Телефонная линия Теодора была отключена. Однажды вечером он пошёл в дом друзей, чтобы поговорить по телефону с друзьями в Соединённых Штатах.

— Костикэ арестован с Библиями и находится в тюрьме.

Секуритате подслушала разговор и через полчаса была уже там.

— Гражданин Сфатку очернил нашу страну в глазах зарубежных граждан. Вы слышали, как он сказал: «Константин находится в тюрьме за распространение Библий»? А ведь это неправда. В нашей стране никого не сажают в тюрьму за распространение Библий. В Румынии свобода вероисповедания. Сейчас вы подпишете заявление о том, что он оклеветал нашу страну!

— Я не слышал, о чем он говорил, — возразил мужчина.

— Я тоже ничего не слышала — дети очень шумели, — поддержала мужа жена.

— Если не подпишете, вы оба потеряете работу, — пригрозили им.

Однако они всё равно отказались...

Следующей попыткой упрятать Теодора за решётку было непредумышленное убийство. Теодор был семейным врачом в Поду Илоае, деревне недалеко от Ясс. Клиника, где он работал, была очень бедной, и большинство его пациентов были цыганами. Он работал много и с любовью, часто из своего собственного кармана платя за лекарства, которые прописывал. Это было время, когда младенческая смертность была высокой, а нехватка медикаментов приводила к внезапному летальному исходу. Секуритате неусыпно наблюдала за Теодором в течение двух месяцев. Она надеялась, что кто-нибудь из его пациентов — взрослых или детей — умрёт, как это часто случалось, и была готова сразу же арестовать Теодора. Однако, к их удивлению, во время наблюдения за Сфатку не умер ни один пациент.

В это время медсестра Теодора находилась под таким жестким давлением, что от нервного напряжения похудела на десять килограмм.

Ещё одной тактикой, используемой службой безопасности, была деморализация. В то время Эрцсо каждый день ездила с Теодором на работу. Власти платили людям, чтобы те издевались над ними. Каждый день к клинике приходил мужчина и кричал: «Ха! Ха! Где твой Бог? Почему он не спас твоего брата, Константина?» Потом приходила женщина: «Доктор Сфатку все ещё свободен? Его ещё не арестовали? Таким, как он, место в тюрьме!»

Всё это время церковь молилась и круглосуточно постилась за семью Сфатку.

Однажды цыган принёс к Теодору одного из своих многочисленных детей. Он изо всех сил старался произнести его имя, поскольку доктор Сфатку был новым в их деревне. Цыган повторял имя снова и снова, но, когда пришла его очередь, у него вырвалось что-то нечленораздельное.

— Д-р Спартаку, — сказал он. — Мой мальчик не может дышать носом, поэтому у него постоянно открыт рот.

Теодор осмотрел мальчика, затем повернулся к отцу и объяснил:

— У вашего сына синусит, инфекция пазух. Вот рецепт и немного денег, чтобы купить лекарства.

— Сирусит. Сирусит? Ох, как же мой сын заболел этой болезнью? — удивлялся цыган. — Она, должно быть, пришла из Сирии!

Теодор рассмеялся.

В другой раз с сильным кашлем пришла деревенская женщина. Теодор дал ей пузырёк микстуры от кашля.

— Принимайте по ложке каждый день, — объяснил он.

На следующее утро женщина вернулась с пустым пузырьком.

— Доктор, дайте мне ещё один! — попросила она. — Было так вкусно! Это лекарство хорошо смазывает мне горло.

— Неужели вы выпили всё? — спросил Теодор. — Вот ещё один пузырёк, но принимайте только одну ложку в день.

Пациенты любили Теодора, поэтому никакие козни Секуритате не имели против него успеха. Господь наблюдал за ним и защищал его.

Дженовьева с соседом перед домом семьи Сфатку, Кошбук-страда, Яссы, март 1980 г.

Елена и Сильвия из Румынии (слева) с Гаенор и Тришей из Уэльса, 1985 г.

Дженовьева (в центре), Сильвия и Дэнух (с гитарами) на домашней встрече в Яссы, 1973 г.

Глава 6

Камера пыток

Костикэ спал в холодной камере в помещении Департамента службы безопасности города Яссы. Это была небольшая комната с бетонными стенами и туалетом в углу. С потолка свисала лампочка. На узкой железной кровати лежал тонкий матрац, накрытый простыней, и затхлое изношенное серое одеяло.

В дверь забарабанили:

— Подъём!

Костикэ от испуга подскочил на кровати.

Дверь открылась, и ему в руки сунули поднос. На нём лежал кусок чёрного хлеба и чашка подслащённого чая.

Костикэ поел и быстро выпил чай. *«Спасибо Господи! Я был так голоден!»*

В его уме, как пчелы, роилось множество вопросов. *«Где сейчас Эстера и дети? Может, они в соседней камере? А остальные члены семьи?»*

Внезапно Костикэ вспомнил, что его камера находится прямо под живописным парком, который он знал с детства. Он проходил через этот парк каждый день по дороге в школу Коста Негруцци для мальчиков, а позже, когда стал студентом машиностроительного факультета, ещё в течение четырёх лет ходил через парк на учёбу. В апреле в парке расцветала розовато-лиловая и розовая сирень, которая распространяла свой сладкий аромат далеко з пределы парка. По газонам

под деревьями почтенно прогуливались павлины. Костикэ останавливался, чтобы полюбоваться их голубыми, зелёными и золотыми с переливами перьями на хвосте. Тишину парка нарушали их громкие крики.

Костикэ вспомнил, как отец часто говорил: «Какой красивый парк! Но там, в подземелье, камеры и кабинеты для допросов. Многие верующие страдают там за то, что они распространяют Библии». *«Господи, помилуй их!»* — страстно молился Костикэ, сложив руки на груди и вглядываясь в небо. Теперь он сам был там.

Надзиратель вёл Костикэ в камеру для допросов. Она находилась на втором уровне под землёй. Ещё до того, как войти туда, Костикэ услышал стоны и крики, и его охватил ужас. Это было огромное пространство с побеленными стенами и белой керамической плиткой на полу. Везде стояли железные столы и орудия пыток. Костикэ видел, как невинных людей избивали и пытали на глазах друг у друга, заставляя подписывать ложные признания.

Надзиратель указал Костикэ стул из твёрдого металла, стоявший перед одним из столов.

— Сядь! — рявкнул он.

Палачи были великанами, как боксеры. У одного из них была огромная резиновая дубинка с надписью: «SFARITULUL LUMII» («КОНЕЦ МИРА»). Он потряс ею перед лицом Костикэ и со злой улыбкой произнёс:

— Читай, что написано на моей дубинке, и бойся.

«Спаси меня, Господи!» — взмолился Костикэ.

В комнату вошёл голубоглазый офицер средних лет в форме цвета хаки. Он положил свою фуражку и папку на стол и уселся в удобное кожаное кресло напротив Костикэ.

— Я — полковник Мирон из Бухареста, — сказал он. — Я являюсь членом судебной комиссии, созданной для рассмотрения вашего дела.

«Господи, дай мне сил!» — умолял Костикэ. Одетый в тонкую одежду заключённого — коричневую полосатую хлопковую робу, брюки и тапочки, — он дрожал от холода и страха.

Полковник Мирон записал дату: 20 апреля 1985 года, а затем откинулся на спинку стула.

— Гражданин Сфатку, вы должны рассказать мне всё. Поспешу сообщить вам, что всю вашу семью также допрашивают в соседней камере.

Эти слова пронзили сердце Костикэ, как острый меч. *«Господи, пошли им Свою милость»,* — молился он.

В этот момент кто-то закричал в агонии. Костикэ повернул голову и увидел человека, привязанного к одному из столов, которого били по ступням.

«Господи, помилуй его!» — на глаза накатились слёзы, и Костикэ заплакал.

— Так будет и с тобой, если не будешь сотрудничать, — безразлично произнёс Мирон. — Ты думаешь, что к тебе будут относиться лучше?!

Теперь Костикэ дрожал больше от страха, чем от холода.

— Итак, поговорим о Библиях, — продолжал Мирон, глядя на Костикэ. — Враги привезли их в нашу страну, но мы даем вам шанс перейти на нашу сторону.

Женщину, привязанную к другому столу лицом вниз, жестоко били по почкам.

— Ты подпишешь! Ты всё равно подпишешь! — кричал палач.

— Я не виновата! Я не виновата! — лишь стонала в ответ женщина. Её избивали, пока она не потеряла сознание.

«Отче, помилуй её!» — молился Костикэ.

Полковник Мирон продолжал:

— Если расскажете всё, что вам известно о Библиях, мы освободим вас.

Палач с дубинкой, на которой было написано «КОНЕЦ

СВЕТА», направился прямо к Костикэ и начал махать ею у него перед лицом.

Сердце Костикэ исполнилось ужаса: «*Неужели, я следующий?!*»

Однако палач ушёл, даже не коснувшись его.

Полковник Мирон поудобнее устроился в своём кресле. Он посмотрел на Костикэ и спросил, в этот раз уже перейдя на «ты»:

— Тебе известен человек по имени Ульф Ольденбург?

— Да, — ответил Костикэ. — Он из Дании.

— Он привозил тебе Библии?

— Нет, только моему отцу, но это было много лет назад.

— Какой это был год?

— 1967-й.

— Где твой отец прятал эти Библии?

— Ну... на чердаке... в гардеробе... в кладовке.

Ульф проехал всю дорогу до Румынии на «Фольксвагене Битле», спрятав Библии в багажнике. Какую радость эти Библии доставили нашему отцу! Костикэ вдруг услышал голос отца, как будто всё это происходило сейчас: «Эти книги — чистое золото!».

— Куда твой отец отдал эти Библии?

— Не знаю. Мне было всего четырнадцать...

— Сколько раз гражданин Ольденбург приезжал с Библиями?

— Два или три раза. Я не помню.

— Ты знаешь Тэрникериу Прикоп?

— Да.

— Твой отец давал ему Библии?

— Я видел, как он дал ему немного. Не знаю, сколько.

— А Урсану из Ванатори?

— Тоже давал ему немного.

На самом деле Костикэ знал, что за эти годы отец передал этим контактным лицам много сотен Библий.

— А как насчёт Андрийчука?

— Думаю, и ему отец дал несколько.

Костикэ знал, что этот старый пастор был одним из ключевых контактов в деревне Ванатори. Он также знал, что у него есть тайник в сарае для коз, в котором он прячет сотни Библий. *«Они хотят узнать нашу схему распространения»,* — подумал Костикэ.

— Сколько миссий ты знаешь в Голландии? — спросил полковник Мирон.

— Не знаю ни одной.

— Тебе известно об организации под названием «Открытые двери»?

— Нет.

— Ты знаешь «брата Эндрю»?

— Нет.

— «Открытые двери» — это преступная организация, которая контрабандой ввозит в нашу страну Библии. Что бы сказали голландские сотрудники службы безопасности, если бы мы контрабандой ввозили в Голландию оружие или порнографические материалы? Библии так же опасны, как и оружие, и порнография.

Полковник Мирон заложил ноги на стол и продолжил:

— Ты знаешь Гаенор и Тришу, двух девушек из Великобритании?

— Да, — кивнул Костикэ.

— Как их фамилии?

— Я не знаю.

— Они работают на «Открытые двери»?

— Они мне не говорили.

Вошёл офицер, низший по званию, и направился прямо к Мирону.

— Разрешите доложить, товарищ полковник: кофе и сырный пирог готовы для вас в ресторане.

Мирон встал, закурил и вышел из комнаты.

Костикэ остался сидеть в кресле. *«Он спрашивает о Гаенор и Трише*, — думал он. — *Что же их интересует на самом деле?»*

Эти две миссионерки привезли в Румынию Библии и рассказали Костикэ историю о том, как Бог защитил Библии с помощью валлийского печенья...

...Гаенор и Триша пересекли границу с Библиями, спрятанными в их фургоне для отдыха. Им нужно было найти место, чтобы открыть секретные отсеки и достать литературу. Они заехали в лесную зону отдыха со столами для пикника. Это было безопасное место. По крайней мере, они так думали...

— Я вытащу печь на улицу и буду готовить еду, — предложила Гаенор. — Таким образом, я смогу следить за тем, что происходит вокруг, пока ты будешь доставать Библии.

— Отличная идея! — согласилась Триша.

Гаенор и Триша были родом из Уэльса, и между собой они разговаривали на валлийском.

— Если приедет полиция, я буду кричать на валлийском, — сказала Гаенор. — Они не поймут ни слова.

Триша вошла в фургон и задвинула шторы. Она нажала скрытую кнопку под приборной панелью, и секретные отсеки открылись. Доставать Библии и складывать их в толстые чёрные целлофановые пакеты для мусора было очень трудно. Триша туго завязывала готовые к передаче пакеты: почти тысяча Библий!

Возле фургона Гаенор открыла банку концентрированного горохового супа. Она вылила его в кастрюлю и смешала с водой. Затем включила походную печь. В ожидании кипения супа она накрыла на стол, открыла пачку с печеньем и налила в две чашки апельсиновый сок. Суп на плите закипел и распространял аппетитный аромат курицы с горохом. На деревьях пели птицы, ничто вокруг не предвещало опасности.

Внезапно Гаенор заметила приближающиеся огни фар. Машина свернула в зону отдыха и остановилась прямо за фургоном. Из неё вышли двое полицейских.

Гаенор как можно громче крикнула на валлийском языке «опасность»:

— *Пергил! Пергил!* — она пыталась кричать с улыбкой на лице.

— Какая опасность? — спросил один из полицейских по-английски.

— Нет-нет, нет никакой опасности, — ответила Гаенор, указывая на плиту. — Я только что говорила со своей подругой на валлийском: «Суп готов».

Триша быстро накрыла Библии одеялами и вышла из фургона.

— Мы слышали, как вы кричали: *«Перикол! Перикол!»* Слово «перикол» на румынском языке означает «опасность», — объяснил другой полицейский.

— Мы говорим на валлийском, а не на румынском, — пытаясь выглядеть спокойной, объяснила Гаенор.

— Пожалуйста, попробуйте немного вкусного печенья из Уэльса, — предложила Триша.

Полицейские взяли столько, сколько могли унести, и ушли, смеясь и повторяя: «Опасность! Опасность!»

«Их почти поймали, но Господь спас их! — подумал Костикэ. — *Спасёт ли Он и меня?»*

Часы в камере пробили одиннадцать.

Полковник Мирон вернулся с перерыва на кофе, снова сел в кресло и возобновил допрос.

— Сколько миссий из Австрии привозили Библии вашей семье?

— Две или три, — ответил Костикэ.

— Каким образом эти миссии транспортировали Библии?

— В машинах.

В другом углу палач избивал свою жертву кулаками. Мужчина опух почти в два раза и жалобно плакал.

«*Господи, если Ты не поможешь мне, я не смогу пройти через это!*» — молился Костикэ.

— У нас есть способ заставить тебя говорить, — угрожал Мирон. — Теперь перейдём к последней доставке Библий. Ты знаешь Стивена Битти из Англии?

— Да, — ответил Костикэ.

— Почему он приезжал к вам в прошлом месяце?

— Он — друг нашей семьи.

— Это он организовал вам ту последнюю доставку Библий?

Стивен организовал доставку, однако сам в ней не участвовал.

— Нет.

— Каким образом эти Библии пересекли границу?

Костикэ был рад, что не знает, как именно Библии попали в страну.

— Я не знаю, — ответил он.

В другом углу комнаты палач с резиновой дубинкой бил ею по голове врача.

— Итак, ты участвовал в заговоре против правительства!

— Нет, мне ничего не известно ни о каком заговоре, — ответил доктор даже без стона. Его голос был едва слышным и безжизненным. Костикэ взглянул на него краем глаза и понял, что тот сходит с ума.

— Мы сделаем с тобой то же самое, если не будешь сотрудничать, — напомнил Костикэ Мирон. — Вы также получали Библии на русском?

— Нет.

— С кем твоя семья сотрудничала в Молдове?

— Я никого там не знаю.

Когда наступил вечер, полковник Мирон написал протокол допроса, взял досье Костикэ и ушел.

Первый день допроса закончился.

В течение следующих трёх месяцев Костикэ задавали те же вопросы в том же ужасном месте. Каждый день с утра до

вечера его допрашивали разные сотрудники. Каждый день его допрашивали по-разному, но об одном и том же — о Библиях. И каждый день он видел и слышал, как пытали других заключённых.

Однажды, примерно через три месяца, полковник Мирон бросил перед Костикэ лист бумаги.

— Прочти и подпиши, — приказал он.

Костикэ начал читать: «Я, Сфатку Константин, заявляю, что вечером 19 апреля 1985 года я пытался убить полицейского, который остановил меня на дороге. Я признаю свою вину. Дата. Подпись».

«*Невероятно!* — подумал он про себя. — *В течение трёх месяцев меня допрашивали относительно распространения Библии, а теперь обвиняют в покушении на убийство. Но я знаю, что со мной сделают, если я откажусь подписать*». Внезапно он понял, что делать. «*Я подпишу это,* — подумал он. — *Только так я смогу выжить!*»

Он подписал «чистосердечное признание» и передал лист полковнику Мирону, который, казалось, был очень доволен.

«Спасибо, гражданин Сфатку», — сказал он с радостной улыбкой.

Костикэ увели в камеру. Он лёг на жёсткую железную кровать и услышал, как Святой Дух прошептал ему слова из Книги пророка Исаии 43:1–2: «Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя, Иаков, и устроивший тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдёшь ли через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя».

С этими словами он уснул.

Глава 7

День суда

Шёл июнь 1985 года. Я была в Соединённых Штатах, когда получила известие о том, что дата суда над Костикэ назначена. Мною овладела всепоглощающая грусть. Я рыдала, как на похоронах, и не могла поверить в то, что президент Чаушеску лично приказал уничтожить мою семью. В Библии написано: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. ... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Книга Откровения 2:10). «*Позволит ли Бог моей семье умереть?*» — размышляла я.

В это время я жила у своей давней подруги Вероники Сусман в штате Огайо. Тем летом иммиграционная служба Кливленда назначила мне экзамен для получения гражданства США. Чтобы сдать его, нужно было прочесть книги по истории страны. Это было хорошо для меня, потому что чтение хоть немного отвлекало от мрачных мыслей.

Было весеннее солнечное утро. Небо поражало своей голубизной. Я сидела на скамейке в саду под старой вишней и наблюдала за тем, как воробьи кормят своих птенцов. Вероника принесла две чашки вишнёвого компота и села рядом со мной.

Я очень скучала по своей семье, и разговоры о ней с Вероникой помогали мне. Сегодня я собиралась рассказать ей историю о том, как Бог укрыл от глаз Секуритате коробку с Библиями в нашем доме.

Однажды ночью моя семья получила Библии. Дома были Костикэ, Теодор и моя подруга Сильвия. Библии привезли в коробках по пятьдесят, и мы сложили их в прихожей на деревянный пол. В комнате стояла кровать с матрацем, который мы с Теодором каждый год наполняли сладко пахнущим душистым сеном. Рядом с дверью был плательный шкаф, а у окна — книжный.

Той ночью приехал друг отца, и мы погрузили коробки ему в машину. Он отвёз их в тайник, находящийся в деревне.

После того как мы закончили работу, все уснули. Ночи оставалось уже немного, но мы хорошо спали, потому что очень устали. Мои родители, Корина и Юлиан, спали в задней комнате, а мы — в прихожей, на матраце из сена.

Рано утром нас разбудил крик петуха: ку-ка-ре-ку! Мама пошла кормить кур и гусей.

Перед тем, как идти на работу, отец шёпотом спросил:

— Все ли коробки вчера загрузили?

— Да, — заверила его я. Но как я ошибалась...

— Да защитит Господь Библии и всех нас, — произнёс отец, уходя.

— Завтрак готов, — позвала с кухни мама. Она подала кофе с молоком, свежим хлебом и домашним сливовым вареньем.

Мы едва закончили трапезу, как услышали лай собак, затем — стук в дверь. У двери стояли двое мужчин. Первый был невысокого роста, лет сорока — полковник Алдея из службы безопасности. Его глаза сверкали холодом. Даже его рыжеватые вьющиеся волосы были лишены свободы. Они были туго зачёсаны и уложены назад. Второй мужчина был одет в форму полиции.

— У нас ордер на обыск, — сказал Алдея, махая в воздухе листом бумаги.

Они вошли в дом и оказались прямо в прихожей, где вчера стояли книги.

— Ваши удостоверения личности, — ледяным голосом произнёс офицер. Он проверил наши документы и отложил их в сторону.

— Стойте здесь в углу, — приказал он нам. — Не двигайтесь и ничего не трогайте!

«Как хорошо, что прошлой ночью мы отправили Библии в тайник!» — подумала я.

Алдея обыскивал каждую комнату в доме, а его спутник охранял нас. Я услышала звон тарелок и поняла, что он открывает сервант на кухне. Потом шаги направились в кладовую. Я слышала, как он опёр о стену лестницу, чтобы открыть люк, ведущий на чердак. Потом я услышала знакомый скрип старого деревянного гардероба из Богемии. Я знала, что он осматривает комнату родителей.

Через полчаса полковник вернулся в гостиную. Он быстро пошарил под матрасом из сена и в гардеробе.

Внезапно меня охватил страх. Я не могла поверить своим глазам: коробка с Библиями! Она стояла на видном месте рядом со шкафом. Моё сердце, казалось, вырвется из груди.

«Как же мы могли забыть эту коробку?!» — задавалась я вопросом. Я взглянула на остальных членов семьи и поняла, что они тоже заметили её. *«Господи, сделай глаза полицейских слепыми!»* — взмолилась я.

В этот момент Алдея направился прямо к коробке с Библиями и подтолкнул её ногой к книжному шкафу.

«Нам — конец!» — подумала я.

— Посмотрим ещё там, — сказал он, указывая пальцем на верх книжного шкафа. Затем, к нашему удивлению, он стал на коробку с Библиями и протянул руку на шкаф. Однако всё, что он там нашёл, было несколько пустых коробок от инструментов и слой пыли. Он спустился с коробки с Библиями и пошёл мыть руки.

Затем он посмотрел на часы и обратился к своему коллеге:

— Уже поздно. Поехали!

И они уехали.

— Я никогда не забуду, что Господь сделал для нас, Вероника! — подытожила я.

— Какое чудо! — пребывая под впечатлением, воскликнула моя подруга. — Бог может сделать что угодно, Дженовьева!

Я снова начала молиться, чтобы Он защитил мою семью во время суда над Костикэ.

Суд был назначен на 27 июня 1985 года. Рано утром вся моя семья пришла к зданию суда города Яссы. Это было серое двухэтажное здание в центре города, окружённое кирпичной стеной и старыми дубами. Многие друзья из разных церквей уже стояли на улице, ожидая, когда откроют двери. Все они пришли на суд, чтобы продемонстрировать любовь к моей семье и солидарность с нами. Также обещали приехать два сотрудника американского посольства.

Теодор, держа жену за руку, вглядывался в толпу, надеясь увидеть их. Он заметил нашу сестру Аврору, разговаривающую с двумя незнакомцами. «*Может быть, это — те американцы из посольства?*» — подумал он и начал пробираться к ним.

— О, Теодор, а я искала тебя повсюду, — сказала Аврора по-английски, беря его за рукав пиджака. — Я как раз разговариваю со Смитом и Мэри из американского посольства. Они сказали, что уже успели познакомиться с тобой.

— Нет, мы ещё не знакомы. Но спасибо, что пришли, — сказал он, пожав им руки.

— Я рада быть здесь, — ответила Мэри.

— Мы пришли выразить солидарность с вами, — сказал Смит.

— Но Теодор, — не унималась Аврора, — Мэри и Смит сказали, что сегодня утром вы уже встречались. Это правда?

— Нет, — повторил Теодор. — Мы только что встретились впервые.

— Вы — Теодор Сфатку, брат Константина? — переспросил Смит с озадаченным выражением лица.

— Да, я! — ответил Теодор.

— Хорошо, тогда я расскажу вам, что произошло утром, — сказал Смит. — Мы приехали вчера вечером поездом и зарегистрировались в отеле «Унирея». Сегодня утром после завтрака, когда мы вышли из отеля, похожий на вас мужчина остановил нас и спросил: «Вы — из американского посольства?» «Да», — ответили мы. «Я — Теодор Сфатку, — представился он, — брат Константина. Мне жаль сообщить вам, что судебный процесс отложен и сегодня не состоится. Так что возвращайтесь в Бухарест — приедете в другой раз».

— Я предложила всё равно сходить к зданию суда, — подхватила рассказ Мэри. — И очень рада, что мы так и сделали. Ваша сестра увидела нас, поняла, что мы — иностранцы, и подошла поприветствовать нас.

— Невероятно! — воскликнул Теодор и потряс головой. — Я, кстати, — настоящий Теодор Сфатку, а это — моя жена Эрцсо. Судебный процесс не отложили. Я только что видел список: Константина будут судить первым. Пойдем же!

Они вошли в зал и стали искать места. Зал был переполнен. Вскоре прозвучал гонг, и было оглашено имя подсудимого. «Сфатку Константин!» Присутствующие замерли. Затем секретарь суда повторил: «Сфатку Константин!» А через несколько минут объявил: «Обвиняемый Сфатку Константин на суд не прибыл. Судебный процесс откладывается».

Присутствующих сразу же начали выгонять на улицу, чтобы не задерживать рассмотрение следующего дела.

— Какая неожиданность... и какой удар, — грустно произнёс Теодор. — Особенно жалко, что многие приехали издалека.

Люди быстро рассеялись.

— Судья не хотел судить Костикэ в вашем присутствии, — объяснила Смиту и Мэри Аврора.

— Они отложили процесс, потому что не смогли вас обмануть, — добавил Теодор.

Теодор, Эрцсо, Аврора и их иностранные гости медленно направились к машине. Теодор взял ключ и был готов открыть дверь, когда увидел ещё одну неожиданность.

— Только посмотрите! — воскликнул он, указывая на шины. — Кто-то порезал все шины!

— Служба безопасности, — тихо сказала Эрцсо.

— Пойдем к нашей маме, — пригласил гостей Теодор. — Она приготовила обед.

Все вместе зашагали через холм Копу к дому мамы. Вокруг расстилали свою тень и распространяли сладкий аромат цветущие липы. По пути Теодор рассказывал гостям о том, как они были пойманы с Библиями и как ему и Эрцсо удалось бежать. Он признался, что очень боится, что вскоре будут арестованы и они.

— А где жена Константина, Эстера? — поинтересовалась Мэри.

— Она была в здании суда со своей матерью и детьми, — объяснил Теодор. — У неё сегодня много гостей. На суд съехалось много друзей и родственников. Она просила передать, что очень благодарна вам за то, что вы приехали.

Когда они пришли в дом мамы, она приветствовала их с улыбкой. Стол был накрыт белой скатертью. На нём был подан вкуснейший ужин. На средине стола стояла ваза с букетом из красной герани. Мама подала борщ с укропом и петрушкой, фаршированную мясом и рисом капусту и свежеиспечённый хлеб. На десерт был конфитюр из горькой вишни. Все наслаждались её стряпней.

— Мы вернёмся, когда будет назначена новая дата суда, — пообещал Смит, и это очень ободрило семью.

Позже в тот же день Сфатку проводили американцев до станции, и они отправились поездом обратно в Бухарест.

Живя в доме Вероники в штате Огайо, я поддерживала тесную связь со своей семьёй в Яссах. Узнав о том, что судебный процесс перенесён, я очень расстроилась, не зная, чего ожидать дальше. Для меня ценна была любая поддержка, которой я только могла заручиться.

Ричард Вурмбранд, проведший за веру в коммунистических тюрьмах более четырнадцати лет, часто звонил мне. Он и его жена, Сабина, ободряли меня в Господе.

— Мы предадим ситуацию огласке, — пообещал Ричард.

— Мы молимся за вас! — напомнила Сабина.

Сенатор Хафф из Кентукки также позвонил, чтобы узнать, как прошел процесс. Он сострадал с нашей семьёй и ободрял меня по телефону стихами из Библии: «За то, что он возлюбил Меня, — говорит Господь, — избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его» (Книга Псалмов 90:14–15).

О, как эти стихи укрепили меня в Духе!

Глава 8

В здании суда

Был июль 1985 года. Я боялась наихудшего исхода для тех из моей семьи, кто были пойманы с Библиями. Я все ещё была далеко от них, в Соединённых Штатах, в ожидании оглашения даты экзамена в Службе иммиграции и натурализации. Невзирая на это, я пребывала в тесном контакте со своей семьёй в Румынии и часто разговаривала с ними по телефону.

День суда в Яссах был перенесён на 11 июля. Рано тем солнечным утром перед зданием из серого камня собралось много людей. Каждый надеялся занять место в зале суда. В этот раз также присутствовали два представителя американского посольства: Пол Урли и Скотт Эдельман.

За полчаса до начала суда вышел сотрудник полиции в темно-синей форме и блестящих сапогах и обратился к присутствующим.

— Все, кто пришли на рассмотрение дела Сфатку, подойдите сюда, — приказал он в громкоговоритель.

Возле него, у входной двери, столпились около двухсот человек. Остальные отступили в тень старых дубов. Они присутствовали там из любопытства, чтобы посмотреть суд над верующим, пойманным с Библиями.

Однако Теодор заметил, что к семье и друзьям присоединились многие, кто не были ни первыми, ни вторыми. *«Секуритате»,* — подумал он.

Вдруг на втором этаже здания суда открылось окно, и кто-то закричал:

— Вас здесь слишком много. Вход разрешён только членам семьи. Остальные отойдите от двери. И разойдитесь.

— Почему?! — зазвучали разочарованные возгласы.

— Вход разрешён только членам семьи. Остальные идите домой.

— Впустите всех! Дайте всем войти! Мы все семья, семья Божья! — восклицали нахмурившиеся верующие, все же продвигаясь вперёд.

— Не дави, не дави! — закричали женщины и дети, оказавшиеся в середине толпы. — Здесь нечем дышать. Помогите! Помогите!

— Давайте все войдём! — кричали подосланные.

— Порядок! Порядок! — призывал к порядку полицейский из окна.

— Вот, как ведут себя верующие — как хулиганы! — крикнул офицер, стоящий у двери.

Посреди этого хорошо организованного хаоса Теодор заметил недалеко от себя двух мускулистых полицейских, похожих на боксёров. Он услышал, как один из них сказал: «А теперь возьмёмся за американцев!»

Через миг первый полицейский резко отклонился, а другой повернулся и изо всей силы ударил в живот стоящего за ним Скотта Эдельмана.

— Ой! — крикнул Скотт, вздрогнув от внезапного удара, но сохранил спокойствие.

Когда же полицейский размахнулся, чтобы ударить Пола Урли, у него с руки слетели часы.

— Мои часы! Мои часы! — закричал он, растолкав окружавших его людей, и наклонился, чтобы найти их. Однако всё, что он нашёл, были лишь части от них.

Когда, стоявший рядом молодой человек увидел, что случилось, он услышал в сердце тихий шёпот Святого Духа: «Иди и купи ему часы». Он поспешил в ближайший универмаг и вернулся с лучшими часами, которые смог приобрести.

— Пожалуйста, примите это в подарок. Мне очень жаль, что так произошло, — дружелюбно сказал он.

— Спасибо... — удивлённо ответил полицейский и надел новые часы.

Динь-дон. Динь-дон. Огромные городские часы пробили девять. Двери здания суда открылись. Сотни людей ринулись в зал, чтобы занять места.

Теодору досталось место в переднем ряду. Он встал и огляделся. Зал был переполнен.

«Где же Данутц? — задавался вопросом он. — *Странно, что его нет. Он обещал прийти!»*

Данутц, молодой брат из церкви, был близким другом семьи. Он хорошо говорил по-английски и был внимательным наблюдателем. Секуритате не желала его присутствия на суде.

Когда утором он пришёл на работу, то сразу же разыскал начальника.

— Сегодня мне нужно взять выходной. У меня важная встреча, — попросил он.

— Никаких проблем, — ответил начальник. — Но сначала пойдём со мной наверх.

Ничего не подозревая, Данутц последовал за ним на второй этаж...

Начальник открыл дверь в комнату для охраны. Данутц быстро огляделся и увидел узкую кровать, несколько кресел и маленький столик посередине. К комнате примыкали ванная и кухонный уголок с кофемашиной. Тяжёлые шторы закрывали окно.

— Сядь, — предложил Данутцу начальник и пододвинул к нему мягкий стул.

Данутц устроился поудобнее. В комнате пахло ароматом свежемолотого кофе.

Начальник открыл холодильник. Он достал молоко и яблочную выпечку и положил их на стол.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — сказал начальник, наливая две чашки кофе.

«С чего такое отношение? — удивился Данутц. — *К тому же уже девять часов, и мне нужно быть в суде»*.

В этот момент зазвонил телефон. Начальник снял трубку.

— Ладно, ладно. Сейчас я приду.

Затем он повернулся к Данутцу:

— Извини. Одна минута — и я вернусь.

Данутц кивнул, а начальник вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

«Клац!»

«Что это? Меня заперли?» — Данутц вскочил и попробовал открыть дверь. Он дёргал ручку вверх-вниз и стучал кулаками в дверь.

— Выпустите меня! Выпустите меня! — кричал он, но было уже поздно.

Он подбежал к окну и отодвинул шторы.

Окно было зарешёчено. *«Никак не выбраться. Я в ловушке! Господи, что мне делать?!»*

Святой Дух напомнил Данутцу стихи из Библии, и он начал цитировать их вслух: «...восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. Как рассеивается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия. А праведники да возвеселятся, да возрадуются пред Богом и восторжествуют в радости» (Псалом 67:2–4). *«Отче, я прошу, чтобы Ты исполнил эти замечательные обетования для Костикэ и семьи Сфатку прямо сейчас»,* — взмолился Данутц.

Весь этот день, за запертой дверью, Данутце ходатайствовал перед Богом за своих братьев и сестёр.

Наконец обвиняемый Константин Сфатку был доставлен в здание суда через боковую дверь. Все головы повернулись к нему. Его руки были закованы в наручники, а голова выбрита. Одет он был в полосатую тюремную робу.

«Ой! Ой!» — то тут, то там зазвучали приглушенные восклицания присутствующих.

Затем воцарилась мёртвая тишина. Костикэ сидел на скамье подсудимых. Судьи и адвокаты — с одной стороны, а публика — с другой. Он оглянулся и увидел свою семью и друзей из церкви.

Прозвучал гонг, и начался процесс. Прокурор, одетый в чёрный костюм и галстук, встал и зачитал обвинение.

«Вечером 19 апреля 1985 года, около десятого часа, обвиняемый Сфатку Константин был остановлен в ходе рутинной проверки документов. Сотрудник дорожно-патрульной полиции попросил осмотреть задний багажник автомобиля. Обвиняемый сделал вид, что вынимает ключи из замка зажигания, однако вместо этого завёл двигатель и попытался скрыться. Офицер, держа руль, пробовал вытащить ключи. Во время последовавшей схватки машина преодолела расстояние около тридцати метров со скоростью примерно тридцать километров в час. Полицейского протянуло вдоль дороги, тем самым его жизнь была в опасности. Сфатку Константин обвиняется в умышленном покушении на убийство высокопоставленного государственного чиновника».

Затем настала очередь показаний истца и свидетеля.

— Я видел, как машина протащила полицейского по дороге, — заявил таксист. — Между ним и водителем произошла схватка.

— Вот что Сфатку Константин сделал со мной, — пафосно произнёс полицейский, демонстрируя царапину на руке.

«*Какая ложь!* — подумал Костикэ. — *Защити меня, Господи! Ведь не было же никакой борьбы!*»

Затем выступил представитель защиты.

— Позвольте обратить ваше внимание на то, что показания обвинения противоречивы. К тому же нам не представлены серьёзные доказательства того, что полицейский вообще пострадал.

После всего этого судья обратился к Костикэ:

— Есть ли у вас, обвиняемый, что сказать в свою защиту?

— С тех пор, как меня арестовали три месяца назад, меня допрашивали только относительно Библий, — сказал он. Его тело сильно дрожало. — Я удивлён, что меня обвиняют в покушении на убийство. Я не виноват!

По щёкам Костикэ текли слёзы, но он не мог поднять руки, чтобы вытереть их.

Затем судья торжественно огласил приговор: «Виновен в умышленном, преднамеренном покушении на убийство высокопоставленного государственного чиновника».

В зале поднялся громкий шум.

Когда Костикэ выводили из здания суда, он в последний раз взглянул на свою семью. «*Увижу ли я их снова?*» — подумал он.

Но его уже ждала машина, и, окружённого вооружённым конвоем, его быстро в неё затолкали.

«*В какую тюрьму меня везут?* — задавался вопросом он. — *Господи, помоги мне!*»

Проехав около пяти километров, машина остановилась, и Костикэ приказали выйти. Ему не трудно было узнать местность. Это была тюрьма рядом с домом нашей семьи!

К вечеру вернулся начальник Данутца, отпёр дверь и принёс извинения. «Прости меня, — виновато сказал он. — Я только исполнял инструкции».

Через девять дней, в отсутствие Костикэ, на открытом заседании суда был зачитан приговор:

«... во имя главенства закона судом принято решение: обвиняемый Сфатку Константин, сын Некулаи и Марии Сфатку, 4 апреля 1953 года рождения, проживающий в городе Яссы по адресу: Петру Рареш-страда, 5, женат, отец двоих детей, инженер-механик, ранее не судимый, содержащийся под стражей в отделении полиции города Яссы, признан виновным в совершении покушения на убийство и приговорён в соответствии со статьей 20, со ссылкой на статьи 174 и 175Ф Уголовного кодекса [статьи, относящиеся к злонамеренным, преднамеренным действиям против государственных служащих] к семи годам и шести месяцам тюремного заключения и четырём годам лишения гражданских прав, в соответствии с пунктами А и Б статьи 64 Уголовного кодекса [на трудоустройство, медицинские и социальные пособия]. ... Обвиняемый обязан возместить государству судебные издержки в размере тысячи четыреста леев. ... Приговор вынесен на открытом заседании суда 20 июля 1985 года».

Когда Костикэ был ещё ребёнком, он слышал ужасные крики, доносившиеся из этих стен. Он видел, как мимо их дома колоннами проводили заключённых к месту работ. Он вспомнил, как отец просил нас, детей, петь: «Бог с тобой, пока мы не встретимся снова», когда они проходили мимо. У

въезда на нашу улицу висели вывески на нескольких языках, гласящие: «Иностранцам приближение к объекту запрещено».

Теперь тюрьма была перестроена и вокруг корпусов достроены ещё три оградительные стены. Сейчас здесь содержалось до десяти тысяч заключённых. И одним из них был Костикэ.

Вскоре новоприбывший научился соблюдать тюремную дисциплину. Его поместили в большую камеру с железными койками и указали на койку на четвёртом уровне. В этой камере содержали пятьдесят заключённых, и на всех было только две раковины и один туалет, у которых всегда выстраивались длинные очереди.

Окно камеры было закрыто металлической пластиной с небольшими отверстиями, через которую едва проникал свежий воздух. Было невыносимо душно. Кровати были накрыты тонкими одеялами, полными постельных клопов. Яркие флуоресцентные лампы никогда не гасли, даже ночью.

В четверть шестого раздался громкий гонг и разбудил Костикэ и других заключённых. Через маленькое окошко охранник сунул каждому поднос с едой: кусок хлеба и чашку кофе.

В течение последних двух-трёх лет Костикэ страдал от язвы желудка и колита. Он принимал лекарства и придерживался строгой диеты, исключив из своего рациона многие виды продуктов, как, например, тёмный хлеб и кофе. Каждый раз, когда он не соблюдал рекомендованную врачом диету, у него сразу же возникала резкая боль.

«*Господи, пожалуйста, благослови эту еду и исцели меня,* — молился он, — *я так голоден!*» Затем он быстро ел и пил... и ждал. «*Спасибо Господи!*» — у него не было боли.

В то утро он воспевал в сердце песнь хвалы Богу. Это была прекрасная песня, написанная на стих из 102-го Псалма: «Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его. Он прощает все беззакония твои,

исцеляет все недуги твои; избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и щедротами...».

Обед принесли в половине третьего. Костикэ заглянул в миску: тяжёлый, жирный суп с фасолью, картошкой и капустой. «*Господи, врачи запрещают мне есть такое,* — взмолился он, — *но я так голоден!*» Затем он съел всё. Боли нет. «*Спасибо, Господи! Как Ты милостив!*»

Ужинали в девять часов миской варёной пшеницы. Он видел в ней помет мышей, волосы и червей, но всё равно съел. Он вспомнил стих из Книги Притчи 27: «...голодной душе все горькое сладко».

Проходили недели, а боли и проблемы с желудком больше не тревожили Костикэ. Он знал, что Господь исцелил его. И это был ответ на его собственные молитвы и на молитвы многих братьев и сестёр.

Верующие в Яссах молились и постились против духа лжесвидетельства, не зная, как Господь ответит на их молитвы.

Примерно через неделю после суда из Рэдэуци приехали дядя Эстеры и его жена. Они пригласили Эстеру на обед. Ресторан в Копу вмещал около ста человек. Войдя, христиане положили себе на подносы курицу с чесноком, зелёный салат, свежие булочки и минеральную воду с сиропом. Они начали искать свободный столик, но все столы были заняты. Вскоре встала и начала собираться уходить какая-то семья. Официантка убрала за ними стол и пригласила Эстеру и её родственников.

Они сели, и дядя Аврам воздал благодарение Богу: «Спасибо, Господи, за еду! Пусть и Костикэ не будет голоден в тюрьме».

— И избавь его и Эстеру от злых людей, — продолжила Лидия.

— Аминь, — с благодарностью произнесла Эстера.

Положив в рот кусочек курицы, Эстера похвалила:

— Какая вкуснота! Очень вкусная курица. Дома я вряд ли...

Вдруг она застыла от удивления.

— Не могу поверить своим глазам! — тихо прошептала она. — Посмотрите — свидетели обвинения.

Она указала глазами на соседний стол.

За ним сидел полицейский, который той ночью остановил их машину, его жена и двоюродный брат. С ними был и таксист. На их столе было много еды и несколько пустых бутылок. Они были пьяны.

— С тех пор как я связался с этими верующими... и их Библиями... я совсем потерял сон, — пожаловался сотрудник дорожной полиции.

— Почему это? — поинтересовался его двоюродный брат.

— Как только засну — снятся кошмары. Мне часто снится, что я стою перед престолом Бога и Он очень зол на меня. Я вижу огонь и серу. — Он сжал кулаки. — Я принимаю снотворное, но оно не действует.

Таксист закивал.

— И со мной то же самое. Меня мучит совесть и страх. Жена говорит, что я потерял чувство юмора.

— Я собираюсь изменить свои показания, — сказал полицейский. — Ведь, на самом деле, Сфатку не причинил мне боли. У него просто были Библии, вот и всё. Той ночью я получил приказ: «Возьми Сфатку, иначе тебя застрелят».

— Да, и я также написал показания под давлением полиции, — вздохнул таксист. — В ту ночь я был свидетелем обнаружения шести сотен Библий и всё.

Компания закончила трапезу бутылкой традиционной румынской *сливовицы*. Взявшись за руки и опираясь друг на друга, они вышли из ресторана.

Эстера и её родственники тоже встали, чтобы уйти.

— Благодарю Тебя, Господь, что Ты действуешь в их сердцах, — сказала Эстера, улыбаясь.

— Это просто невероятно! — лишь смогла произнести Лидия.

— Слава Господу! — поблагодарил Аврам.

И все трое, радуясь в Духе, отправились домой.

Члены моей семьи сообщили мне о приговоре Костикэ по телефону. Я долго плакала и не могла есть.

Через несколько дней мне назначили собеседование в Службе иммиграции и натурализации в Кливленде, в штате Огайо. В то утро я надела своё лучшее синее бархатное платье. Парикмахер уложила мои короткие каштановые волосы. Я хотела выглядеть особенно хорошо. Я подушилась своими любимыми розовыми духами. В тот день я должна была стать гражданкой США!

Служба иммиграции и натурализации находилась в массивном сером здании. Оно было полно иммигрантов, которые в тот день должны были принять присягу на верность США и стать гражданами этой страны. Офицер попросил меня ответить на вопросник, один из вопросов в котором был: «Были ли вы когда-нибудь членом Коммунистической партии?» Я написала гигантскими буквами: «НЕТ! НЕТ! НЕТ!»

Это был счастливый момент в моей жизни, хотя в сердце у меня было столько грусти! Мысленно я находилась со своей семьёй. Вдруг я почувствовала такую слабость, что ноги подкосились, и я рухнула на ковёр, прямо там, где стояла.

Участливый сотрудник Службы иммиграции, который вёл собеседование, спросил:

— Что с вами? Вам плохо?

— Ничего, — ответила я. — Я только что получила известие, что моего брата в Румынии приговорили к тюремному

заключению за распространение Библий, и у всей моей семьи большие проблемы.

— Мне очень жаль, — посочувствовал мне сотрудник и принёс стакан апельсинового сока.

Я выпила.

— Спасибо, — сказала я. — Ко мне понемногу возвращаются силы.

— Добро пожаловать в Америку, — приветливо произнёс он и добавил, — обычно для отправки свидетельств требуется не менее трёх недель, но я обещаю, что вы будете первой, кто получит своё!

Как же мне тогда было необходимо такое доброжелательное и сострадательное отношение! Через несколько дней я действительно получила свидетельство о натурализации, датированное 26 июля 1985 года. И с тех пор сколько раз я благодарила Господа за Соединённые Штаты!

Свадьба Стивена с Дженовьевой в Гилфорде, Англия, 16 ноября 1985 г.
В первом ряду — Мейнард и Джесси Битти (слева), Мария Сфатку (справа). Сзади — сенатор Джин и Этель Хафф, Рут и Мэри Битти (справа).

Костикэ и Эстера поженились в ЗАГСе в Яссы, июнь 1976 г.

Свадьба Костикэ и Эстеры, Яссы, июнь 1976 г.

Глава 9

«Ты выйдешь за меня?»

В августе 1985 года после получения гражданства США я подала заявление на получение паспорта. В течение этого времени я все ещё жила у своей подруги Вероники в её маленьком домике в Акроне, штат Огайо.

— Дженовьева, ты слишком много плачешь, — сказала однажды Вероника, когда мы чистили горох на скамейке в саду.

— Я плачу, потому что из Румынии приходят только плохие новости, — ответила я. — Я всё время думаю о том, что Костикэ в тюрьме. Я волнуюсь, что случится с остальными членами моей семьи.

«Господи, пошли Дженовьеве и хорошие новости!» — помолилась Вероника.

Однажды утром вскоре после этого в доме зазвонил телефон.

— Тебе звонят, Дженовьева, — позвала Вероника. — Это Стивен... из Австрии.

Стивен регулярно связывался со мной, звонил раз в неделю, чтобы утешить и ободрить меня в моей печали относительно семьи. Я и не ожидала, что в этот раз он звонит совсем не для этого.

— Привет, Дженовьева! — как обычно поприветствовал он меня. — Как дела?

— Что ж... хороших новостей пока нет, — ответила я.

— О деле Костикэ много говорят. Христианские журналы по всему миру публикуют статьи о вашей семье.

— Я так рада, что ты рассказал мне об этом. Огласка, безусловно, должна помочь.

— Ты уже получила гражданство?

— Да, и подала заявление на получение паспорта!

— Когда ты приедешь в Австрию? — поинтересовался он.

— Не знаю. А почему ты спрашиваешь?

— Я скучаю по тебе, Дженовьева... Я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю!

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Вот это да! Да! Да! Да! — закричала я в трубку.

Я прыгала от радости с телефонной трубкой в руке и кричала Веронике:

— Я еду в Австрию и выйду замуж за Стивена!

Стивен подождал, пока я успокоилась, и спросил:

— Так когда ты приедешь?

— Как только получу паспорт, я сяду на первый ж рейс! — радостно пообещала я.

— Я буду ждать тебя!

Впервые за много месяцев моё сердце наполнилось радостью и надеждой.

Сенатор Джин Хафф также поддерживал со мной тесную связь. Он хотел знать все подробности о моей семье, чтобы передавать их молитвенникам-ходатаям. Он и его жена Этель снова пригласили меня в Кентукки, чтобы я выступила в церквях, что посодействовало бы повышению осведомленности американских христиан о страдающей церкви. На следующие выходные я купила билет на автобус и отправилась к ним.

Джин Хафф был не только сенатором, но и пастором. Он заботился обо мне, как пастух заботится о раненой овце.

Однажды вечером я сидела на террасе с его семьей. Мы ели курицу, приготовленную на гриле. Я поделилась с ними своей радостной новостью:

— Стивен попросил меня выйти за него!

— О, как здорово! — обрадовалась Этель. — Видишь, Господь хочет благословить тебя!

— Расскажи нам о Стивене, — попросил Джин.

— Раньше он был учителем французского языка, но бросил свою работу и стал контрабандистом Библий, — ответила я. — Миссия, в которой он несёт служение, ввезла в Румынию сто семьдесят пять тысяч моих книг для детей.

— Ого! Он, должно быть, очень мужественный христианин! — восхищалась Этель.

— Однажды я пошутила с ним: «Если ты ввезёшь все мои детские книги в Румынию, я выйду за тебя замуж». Он ответил: «А если ты научишься надлежащим образом заваривать английский чай, я женюсь на тебе». Он ввёз все книги, а я научилась готовить чай.

Все смеялись.

— Но у меня есть вопрос, — сказала я. — Как вы думаете, имею ли я право быть счастливой, когда моя семья в беде? Обо мне не подумают, что я безразлична к их страданиям?

— О нет! — заверила меня Этель. — Господь даёт тебе мужа, чтобы он помог тебе в это трудное время. Муж и жена поддерживают друг друга.

— Это от Господа, — сказал Джин. — А если тебе нужен отец, чтобы выдать тебя замуж, это сделаю я!

«Спасибо Тебе, Господи, за то, что так благословил меня», — тихо прошептала я.

Да, мне нужен был отец, чтобы выдать меня замуж. Моего отца отравили сотрудники службы безопасности, когда я ещё жила в Румынии.

В камере тюрьмы города Яссы, где содержался Костикэ, были толстые стены и решётки на окнах. Чтобы выйти из камеры, нужно было пройти три двери. Оттуда было невозможно бежать. Несмотря на это, сотрудники проверяли решётки и пересчитывали заключённых два раза в день, в семь утра и в семь вечера.

Костикэ эти переклички повергали в ужас. Каждое утро он слышал крик: «*Aa-pe!! Faţa la perete!*» (*«Перекличка! Лицом к стене!»*). В течение двух часов он, вместе с другими заключёнными, стоял не двигаясь и смотрел в стену. То же самое повторялось и вечером.

«Почему я должен стоять так долго? — задавался вопросом Костикэ. Его ноги подкашивались, а голова кружилась. — *Они просто хотят причинить нам страдания!»*

Однажды утром Костикэ услышал, как к нему проговорил Господь: «Я хочу, чтобы ты использовал это время, чтобы говорить со Мной».

С тех пор Костикэ превратил перекличку во время молитвы и прославления Бога. Ему на ум приходили стихи, как из Псалма 26:7–8: «Услышь, Господи, голос мой, которым я взываю, помилуй меня и внемли мне. Сердце моё говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи. Не скрой от меня лица Твоего; не отринь во гневе раба Твоего. Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой!»

Внезапно Костикэ почувствовал себя свободным от всех человеческих планов, желаний или амбиций — от греха и от мира. Для него уже не имело значения, будет ли он жить или умрёт. *«Я только хочу угодить Тебе, Господь!»* — молился он.

Однажды вечером Костикэ заметил, как трое других заключённых молятся, сложа руки и возведя глаза к небу.

— Будем же мужественными! — сказал один из них.

— Будем стойкими! — сказал другой.

В той же камере находились и другие заключённые-христиане, ложно обвинённые в хулиганстве. Они были пойманы за чтением Библии, молитвой или пением Господу во время домашнего собрания.

Христианам в тюрьме приходилось быть осторожными и ни в коем случае не жаловаться, потому что среди заключённых было много информаторов. Если бы кто-то из них сказал: «Я здесь за веру и свою христианскую деятельность, но обвинён в хулиганстве», его сразу обвинили бы в клевете на страну, а наказание за это было очень суровым.

— За что ты здесь? — спросил Костикэ один из заключённых.

— За преступное поведение, — ответил он.

— Ты — преступник?! Ни за что не поверю! Давай, скажи мне правду.

Другой заключённый спросил:

— А что ты сделал, за что оказался здесь?

— Я пытался убить полицейского, — безучастно произнёс Костикэ.

— Ты пытался убить полицейского?! Ты не попытался бы убить даже курицу.

В камере Костикэ был мальчик, которого через несколько дней должны были освободить. Однажды утром он стал настолько слабым, что не мог даже встать с постели, чтобы идти на работу. Надзиратели избивали его, пока он не потерял сознание. Затем его бросили на цементный пол одиночной камеры.

Заключение в этой камере означало, что заключённого одевали в «имитацию робы». Этим издевательством были рубашка без спины, брюки с одной штаниной и сандалии без подошвы. Затем он должен был с пяти часов утра до десяти часов вечера беспрерывно простоять на холодном цементном полу в полной темноте. Пол был единственным туалетом, а еду приносили через день. Охранники регулярно проверяли, чтобы заключённый не

сел. Мало кто мог выдержать заключение в этой одиночной камере. На следующее утро мальчика нашли мёртвым.

Именно в тюрьме Костикэ понял лучше, чем когда-либо прежде, как Иисус страдал от рук жестоких палачей, и по-новому начал ценить Его страдания.

Как только я получила американский паспорт, я забронировала билет в Австрию. Стивен встретил меня в аэропорту Вены и отвёз в дом миссии.

17 августа 1985 года мы со Стивеном пошли в ресторан, чтобы отпраздновать нашу помолвку. Официант принёс венский шницель с салатом и игристый сидр. Для нас играл маленький живой оркестр со скрипкой и аккордеоном.

Пока мы ели, Стивен рассказал мне о том, что произошло с его командой в то лето, когда я была в Штатах. Я знала, что он отвечает за отправку команд для доставки Библий. Ему нужно было быть крайне осторожным в том, кого и куда он посылал.

В команду контрабандистов Библии прибыл юноша из Англии. Его звали Джоэл, ему было около восемнадцати.

Джоэл пришёл к Стивену и попросил:

— Пожалуйста, отправьте меня с Библиями в Румынию. Я много молился об этом, и очень хочу поехать туда.

— Сейчас мы не отправляем машины с Библиями в Румынию, — ответил Стивен. — Румыны раскрыли нашу систему и научились находить наши тайники. Так что если хочешь поехать в Румынию, езжай поездом.

— Хорошо! — согласился Джоэл.

— Но предупреждаю тебя, — продолжил Стивен, — в поезде твои чемоданы будут обыскивать. Поэтому ты должен быть готовым к худшему.

— Я знаю, что это опасно, — уверил Стивена Джоэл, — но я всё равно хочу поехать.

Наконец Стивен решил отпустить Джоэла. Он купил ему билет на поезд и дал около ста маленьких румынских Библий. Джоэл аккуратно завернул их в спальные мешки и уложил в два чемодана.

Наступил день отъезда Джоэла. Во время утренней молитвы команда вновь помолилась за его поездку. На железнодорожную станцию, расположенную в городе, Джоэла должен был отвезти Стивен. По какой-то причине они с опозданием выехали из дома команды. Поезд отправлялся в час дня.

— Господи, пожалуйста, задержи поезд! — молились Стивен и Джоэл.

К их ужасу, в этот день дороги в город были перегружены, и движение было медленным.

— Господи, пожалуйста, задержи поезд! — умолял Джоэл.

— Задержи поезд! Нам нужно чудо, чтобы успеть на вокзал! — вторил ему Стивен.

Когда они, наконец, прибыли на Южный вокзал, там было полно народу. Стивен нёс один тяжёлый чемодан, а Джоэл — другой. Они бежали по вокзалу, то и дело натыкаясь на прохожих, а когда добрались до платформы, то не могли поверить своим глазам: поезд все ещё был там. В этот миг в громкоговорители объявили: «Восточный экспресс отправится через две минуты».

Стивен помог Джоэлу затащить в поезд два тяжёлых чемодана и спрыгнул как раз вовремя, чтобы не уехать вместе с ним. Джоэл забросил чемоданы на багажную полку в купе. Он открыл окно и, когда поезд тронулся, помахал Стивену на прощание.

Стивен вернулся обратно в дом миссии и возблагодарил Господа. Он рассказал о произошедшем команде.

Хотя, даже став свидетелем чуда, которое Бог совершил с задержкой поезда, он всё ещё волновался, как всё сложится для Джоэла дальше. Ведь то, что он сел в поезд, идущий в

Румынию, не означало, что он благополучно пересечёт границу и доставит Библии.

Через два дня в офисе раздался телефонный звонок.

— Я вернулся на Южный вокзал! — в трубке прозвучал голос Джоэла. — Всё прошло отлично.

— Слава Богу! Уже еду. Скоро заберу тебя.

Он прыгнул в машину и помчал на вокзал. Джоэл ожидал у входа.

На обратном пути Джоэл рассказал:

— В моём купе находилось восемь пассажиров, и у каждого из них был по крайней мере один чемодан. Когда мы прибыли на румынскую границу, таможенники проверили наши паспорта. Затем они проверили все чемоданы, кроме моих! Я доставил Библии по адресу, который ты дал мне в Бухаресте, и вернулся следующим поездом.

— Хвала Господу! — с благодарностью воскликнул Стивен.

В тот вечер команда радовалась...

Этим рассказом Стивена закончился ужин в венском ресторане, посвящённый нашей помолвке.

— Какая невероятная история! — сказала я Стивену. — Спасибо, что рассказал её. Она побуждает меня довериться Господу в том, что Он свершит чудо и для моей семьи!

Глава 10

Поезд смерти

Был конец августа 1985 года. Мы со Стивеном находились в Бексхилл-он-Си, в Восточном Суссексе, в Англии. Мы остановились в бунгало у его родителей. Их молитвы и ободрение благословили меня. Я уже познакомилась с двумя его сёстрами, Руфью и Мэри, и теперь ждала встречи ещё с одной сестрой, Олив, её мужем Джеффом и их сыном Дэниелом.

Мне очень нравились розы, которые росли в саду, и кедровое дерево, раскинувшее ветви над лужайкой в задней части участка. Я наслаждалась вкусными помидорами черри из теплицы. Вечером мы со Стивеном наблюдали, как семья ежей выходила пить молоко, которое им оставляли во внутреннем дворике. И всё же я ни на миг не забывала о том, что Костикэ находится в тюрьме за то, что его поймали с Библиями в Румынии, и несла в сердце эту тяжёлую ношу, куда бы ни шла.

Однажды мы со Стивеном отправились погулять к морю. На берегу мы сели на деревянную скамейку, наблюдали за чайками и обсуждали нашу свадьбу.

— Как печально, что Костикэ не может радоваться с нами, — задумчиво произнесла я. — Он даже не знает, что я выхожу замуж!

Мне вспомнилась свадьба Костикэ и Эстеры. Вдруг меня потрясло другое воспоминание. Я повернулась к Стивену.

— Когда я ещё жила в Яссах, в баптистской церкви была пожилая женщина по имени Елена Бока. Она молилась за меня, чтобы Господь дал мне мужа.

Стивен ободряюще сжал мою руку, и я рассказала ему историю о видении Елены.

Когда в 1978 году Костикэ женился на Эстере, я подготовила несколько особенных песен для детского хора, которые мы планировали исполнить на свадьбе. Елена принесла свадебную скамью для новобрачных и поставила на почетном месте. Она накрыла её мягким шерстяным ковром и помогла мне сделать арку из красных роз.

В тот воскресный день мы много репетировали. Девочки из хора пришли в розовых блузках, а мальчики — в синих рубашках и темно-синих брюках.

Костика и Эстера вошли в церковь в пятом часу. Зал был переполнен. Эстера была одета в длинное белое подвенечное платье. Её волосы украшал венок из цветов и фата. Костикэ был в коричневом костюме с гвоздикой в лацкане. Его коричневые вьющиеся волосы были заложены за уши. Все в церкви, смотря на них, шептали: «Как хорошо они смотрятся вместе! Какая красивая невеста Эстера!» Взявшись за руки, они медленно прошли вдоль рядов и сели на скамью для новобрачных.

В этот момент я жестом попросила детей встать. Они пели свадебные песни, которым я их научила. Мой брат Теодор играл на органе, Сильвия и Нелу — на гитарах, а отец на скрипке. Я дирижировала детским хором.

Елена смотрела на Эстеру и Костикэ. *«Какая красивая пара!»* — думала она. В этот момент женщина увидела видение...

Костикэ исчез со свадебной скамьи, а Эстера перенеслась на скамью в собрание. Она была одна, одетая в повседневную одежду. Елена снова посмотрела на свадебную скамью. Вместо Костикэ и Эстеры она

увидела меня в свадебном платье. Рядом сидел жених, которого она не знала, — молодой человек среднего роста, с тёмными волосами, зачёсанными на одну сторону, и с бородой.

Видение длилось достаточно долго, чтобы произвести на Елену сильное впечатление. Затем оно исчезло, и она снова увидела Костикэ и Эстеру.

— Как удивительно! — сказал Стивен. — И когда же Елена рассказала тебе об этом видении?

— На свадебном ужине в саду у нашего дома, — ответила я, — который приготовили родственники Эстеры и мои родители. Туда собралось около двухсот гостей. Они сидели за длинными столами под деревьями.

Я прижалась к своему жениху, вспоминая тот радостный день.

— На первое был куриный борщ с петрушкой, за которым следовали листья винограда, фаршированные рисом, мясным фаршем и овощами. На десерт подавали сладкий хлеб с орехами и рахат-лукум. Пили прохладную родниковую воду.

— Во время ужина Елена села рядом со мной и рассказала мне о своём видении.

«У Господа есть для тебя муж», — сказала она.

— Всё именно так и произошло, — улыбнулся Стивен. — Теперь Костикэ исчез в тюрьме... а мы поженимся.

Я взглянула на Стивена. Он был среднего роста, с тёмными волосами и бородой, именно таким, каким Елена видела его в своём видении.

Когда мы вернулись в бунгало, я снова начала молиться за Костикэ:

— Господи, пожалуйста, пошли ему благодать и милость, и пусть он знает, что Ты — с ним.

— И пусть его скоро освободят, — молился Стивен. — Господи, Ты пришёл освободить пленников!

5 сентября 1985 года рано утром за Костикэ пришли.

— Мы получили приказ перевести тебя в Бухарест, — сообщили ему.

Его отвели в другую камеру для приготовлений к отъезду. Из этой камеры Костикэ выглянул в окно. Он узнал дерево, растущее в нескольких домах от тюрьмы. Это было вишнёвое дерево перед домом его семьи, на которое в детстве он частенько забирался.

Было ветреное, дождливое утро. Костикэ последовал за конвоиром к выходу из помещения тюрьмы. Его и других заключённых уже ждал закрытый фургон. Каждого из них обыскали. Некоторых, прямо на глазах у Костикэ, заковали в цепи.

«Господи, помоги мне!» — взмолился он.

Пришла очередь Костикэ. Он наблюдал за тем, как офицер читает бумаги в папке с его именем... Он бросил быстрый взгляд на него... Затем снова вернулся к папке. Его помощник взял в руки цепи. Костикэ протянул руки и расставил ноги. От волнения с него градом лился пот.

Офицер снова посмотрел на него, знаком показал помощнику положить цепи и отправил его в фургон к остальным заключённым.

«Спасибо Тебе, Господи, что меня не заковали!»

Как только дверь фургона захлопнулась, заключённые оказались в темноте. Было такое чувство, что они находятся в закрытом ящике. Водитель завёл двигатель, и фургон покатил по ухабистой дороге. Примерно через двадцать минут он остановился, и дверь открылась.

«Все на выход!» — приказал начальник конвоя.

Заключённые вышли из фургона. Костикэ огляделся и узнал железнодорожную станцию Яссы. В сопровождении

вооружённой охраны они перешли через рельсы к ожидающему их товарному поезду.

«Все — в поезд!» — снова приказал конвоир.

Костикэ забрался в вагон, похожий на вагон для перевозки скота. Оттуда он ничего не видел и, вместе с другими заключёнными, снова оказался в темноте. Окно закрывали металлические щиты, и свежий воздух совсем не попадал в вагон.

Внезапно Костикэ почувствовал запах угля, доносившийся из локомотива. Поезд затрясся, отправляясь в семичасовую поездку из Ясс в Бухарест. Однако никто и не подозревал, что на этот раз она займёт гораздо больше времени...

Поезд ехал через всю страну, на каждой станции собирая всё новых заключённых. Их число в вагоне Костикэ уже достигло шестидесяти. Давимые друг другом, измученные и голодные, они задыхались от недостатка кислорода.

Прошли уже целые сутки. Время от времени Костикэ слышался звук капающей воды. В отчаянии он протягивал руку, но воды не было. Заключённые были истощены, и стоять без сна стало невыносимо. Однако, чтобы лечь, места не было.

Через три дня и две ночи такого путешествия поезд подъехал к Гара де Норд в Бухаресте. Выходя из поезда, многие заключённые теряли сознание от голода и жажды. Их погрузили в фургоны. После получасовой поездки перед ними распахнула свои ворота Раховская тюрьма.

Заключённых привели в холодную комнату, похожую на морг, с цементным полом и мраморными скамейками. Она называлась Стеной Плача.

Там плакали многие заключённые. Теперь настала очередь Костикэ. Он упал на холодную мраморную скамью и заснул, однако сон длился недолго. Его ноги посинели и оцепенели от холодного мрамора. В отчаянии он начал растирать их. Он снова уснул, затем проснулся от боли во всём теле. Этот замкнутый

круг повторялся для Костикэ и других заключённых всю ночь и следующий день.

«*Если я не буду тереть ноги, то умру от холода,* — подумал он. — *И что будет с детьми и Эстерой?*» Именно ради них он собрался с силами и, чтобы выжить, снова и снова тёр ноги.

На второй день дверь «морга» открыли. Сотрудники тюрьмы вызывали заключённых по имени и отводили в камеры.

— Сфатку Константин! — крикнул тюремщик.

— Я!

— Ты?! В твоём деле написано, что ты должен был прибыть в цепях. Где твои цепи?

Костикэ молчал, лишь повторяя в сердце: «*Спасибо Тебе, Господи, что спас меня от цепей!*»

— Снять одежду и оставить здесь! — крикнул офицер. — Теперь — туда, — он указал на дверь.

Костикэ оставил одежду и, обнаженный и дрожащий, пошёл в другую комнату.

— На обыск! — приказал охранник.

Костикэ подумал: «*Голый я вышел из чрева матери, голый и уйду, как говорил Иов. Я не возьму с собой никаких богатств... важно будет только то, что я сделал для Господа*».

После обыска Костикэ получил свою одежду обратно и надел её. Его отвели в камеру, находящуюся в отделении тюрьмы, с наиболее повышенным уровнем безопасности. Он был классифицирован как «особо опасный государственный преступник».

Хотя я и не знала, что происходило с Костикэ в тюрьме, мой дух постоянно пребывал в тревоге за него. Я всё время нуждалась в ободрении окружающих.

Однажды я пила чай со Стивеном за столиком в саду в доме его родителей в Бексхилле.

— Я хочу рассказать тебе историю, которая произошла со мной четыре года назад, когда я путешествовал по Румынии с Библиями, — сказал Стивен.

— Расскажи, Стивен! Мне так нравится слушать твои истории, — сказала я, наливая чай. Я цеплялась за каждое слово, а моё сердце кричало о страданиях моего брата.

Летним утром 1981 года, вместе с Колином из Северной Ирландии и Ингрид из Финляндии, Стивен отправился из миссии в Вене в город Арад на западе Румынии. У них было около 1600 Библий, спрятанных в секретных отделениях синего автофургона. Как обычно, каждый из них запомнил адрес доставки. В фургоне было только два сидения спереди, поэтому один из них, по очереди, всегда ехал сзади.

Команда находилась в дороге весь день до вечера. В течение всего путешествия Стивен молился: *«Господи, помоги нам провести Библии через границу и безопасно доставить их»*.

Проехав Венгрию, курьеры прибыли на румынскую границу. Сотрудники паспортного контроля проверили их паспорта, а таможенники быстро обыскали фургон и махнули: «Езжайте!»

«Замечательно! — подумал Стивен, когда они въехали в Румынию. — *Будет ли всё путешествие таким лёгким?»*

В десять часов следующего вечера они припарковали фургон в безопасном для разгрузки месте и быстро съели поздний ужин, состоявший из бутылки фруктового йогурта и орехов. Теперь они были готовы к работе. Ингрид вышла, чтобы следить за прилегающей территорией.

Колин и Стивен забрались в заднюю часть фургона. Они раздвинули шторы и открыли потайные отсеки. Им понадобилось больше часа, чтобы подоставать Библии из тайника и сложить их в пластиковые пакеты. Закончив тяжёлую работу, Колин

вернулся на место водителя, а Ингрид села рядом с ним. Стивен всё ещё сидел на мешке с Библиями.

Колин осторожно повёл фургон по ухабистым улочкам Арада к дому контактного лица. Сзади Стивен пытался разглядеть дорогу через небольшую щель в шторах.

Внезапно Колин крикнул: «Полиция! Стивен, не двигайся. Все — тихо!»

Стивен быстро лёг на мешки с Библиями между скамейками в задней части фургона.

Офицер дорожной полиции подал Колину знак остановиться. Колин съехал на обочину, выключил двигатель и опустил стекло.

«Господи, только не позволь им открыть заднюю дверь! — молился Стивен. — *Пожалуйста, защити нас и Библии!»*

«Actele la control!» — объявил полицейский.

Колин и Ингрид передали ему для проверки свои паспорта и документы на автомобиль.

«Если он откроет заднюю дверь, нам — конец! — подумал Стивен. — *Помоги нам, Господи!»*

Офицер проверил документы на автомобиль. Затем он заглянул в паспорт Колина. При свете фонарика он перевёл взгляд с фотографии в паспорте на лицо Колина. Затем сделал то же самое с паспортом Ингрид. Казалось, всё это длилось вечно.

— Вы путешествуете вдвоём? — спросил полицейский по-английски.

Колин посмотрел на Ингрид, затем снова на офицера. Он поднял два пальца.

Полицейский засмеялся.

— Счастливого пути! — пожелал он и вернул бумаги.

Как счастлив был Стивен, услышав звук заведённого двигателя и почувствовав, что фургон тронулся с места!

Через полчаса езды они прибыли в дом контактного лица, доставили Библии и, радуясь и благодаря Бога, отправились обратно к границе.

Я заворожённо слушала историю Стивена.

— Спасибо, Стивен, за эту замечательную историю. Она побуждает меня доверять Господу в отношении моей семьи.

«*Господи, я полагаюсь на Твою заботу,* — молилась я. — *Пожалуйста, позаботься о Костикэ и о моей семье!*»

Дженовьева встречает Костикэ, Эстеру, Тео и Дженовьеву в аэропорту Рима, июль 1986 г.

Дженовьева с Костикэ, Эстерой, Тео и Дженовьевой в аэропорту Рима, июль 1986 г.

Глава 11

Апелляция

Был конец сентября 1985 года. Мой брат Костикэ все ещё находился в Раховской тюрьме в Бухаресте. Его преступлением считалась попытка убить остановившего его на дороге офицера автоинспекции. Моя семья рассказала мне по телефону, что они подали апелляцию на обжалование его приговора. *«Что из этого получится?* — терялась я в догадках. — *Его освободят или с ним произойдёт худшее?»*

В то время я была в Англии со Стивеном. Мы остановились у наших друзей в Гилфорде, Стивена и Джоан Холл, и готовились к свадьбе. В тёплый солнечный день мы сидели в их саду, восхищаясь синими и фиолетовыми цветками эригерона с золотистыми серединками.

Кру, кру, кру... Ворковали на еле голуби, доедая подобранные у стола крошки булочек с сыром и помидорами. По мягкой зелёной лужайке пробежала белка.

Мне было очень приятно находиться рядом со Стивеном, однако время от времени меня всё же охватывала грусть, и он заметил это.

Он открыл Библию и прочитал из Псалмов 102:6: «Господь творит правду и суд всем обиженным».

— Давай не забывать, что Господь сделал для нас в прошлом, Дженовьева, — сказал он, попивая чай. — Я помню, когда мы возили Библии за «железный занавес»...

— Ещё одна история? Расскажи! Твои истории всегда воодушевляют меня.

— Я знал, что у верующих в Восточной Германии нет христианской литературы, и очень хотел помочь им. Я много раз перевозил литературу по транзитным маршрутам.

— А что такое «транзитный маршрут»? — поинтересовалась я.

Стивен объяснил:

— После того, как Германия потерпела поражение во Второй мировой войне, страна была разделена на Восток и Запад. А её столица, Берлин, — на сектора. Советским сектором стал Восточный Берлин, который также был столицей Германской Демократической Республики. Американским, британским и французским сектором стал Западный Берлин, столица Федеративной Республики Германия. Чтобы жители Западного Берлина могли путешествовать в Западную Германию, было предусмотрено несколько транзитных маршрутов между Западным Берлином и Западной Германией. По этим маршрутам путешественники могли пересекать Восточную Германию.

Путешествовать по транзитным маршрутам было просто, если подчиняться правилам. Съезд с маршрутов был запрещён, а прибыть на другой конец необходимо было в течение пяти часов. Автомобили, следующие в Западный Берлин, не подлежали таможенному осмотру на границах Германской Демократической Республики, и это открывало для миссий, служащих восточногерманским христианам, некоторые возможности.

Однажды Стивен путешествовал с другом Виктором из Канады. На границе с Восточной Германией, после оплаты транзитной визы, в их паспортах поставили отметку с датой и временем въезда в ГДР.

В Восточной Германии у их миссии было много контактов, которые жили неподалёку от транзитных маршрутов. Они всегда были рады принять и распространить христианскую литературу.

Доставлять груз необходимо было ночью, и курьеры планировали свои путешествия так, чтобы добраться к дому контактного лица около полуночи. Им надо было быстро покинуть транзитный маршрут на ближайшем съезде, найти нужный дом и разгрузить фургон. Они выпивали по чашке кофе и молились с семьёй, которой доставили литературу, а затем быстро направлялись обратно к транзитному маршруту. Обычно им удавалось добраться до Западного Берлина в указанный срок. Таким образом, восточногерманской полиции не было известно, что они покидали транзитный маршрут.

Однако в этот раз всё было иначе. Их контактное лицо находилось за восемьдесят пять километров от транзитного маршрута. Они без проблем доехали до его дома и сбросили груз. Но на обратном пути Стивен пропустил выезд на трассу, по которой проходил транзитный маршрут, и они заблудились. Затем на контрольно-пропускном пункте, вне транзитного маршрута, их остановила полиция. Офицер взял их паспорта и посмотрел на визы.

— Я вижу у вас транзитные, а не туристические визы, — сказал он. — Разве вы не знаете, что покидать транзитный маршрут запрещено?

— Простите, — сказал Стивен. — Я, наверное, сбился с дороги.

Офицер обошёл фургон и осмотрел заднее отделение.

«*Слава Богу, что мы уже доставили груз!*» — подумал Стивен.

Офицер вернул паспорта и направил «горе-путешественников» обратно на транзитный маршрут. Когда они прибыли на контрольно-пропускной пункт при выезде с Восточной Германии, им приказали поставить фургон на смотровую яму для осмотра. Сотрудники таможни осмотрели все их личные вещи и тщательно обыскали кошельки.

— Знаете ли вы кого-нибудь в ГДР?

— Нет, — ответил Стивен, а сам подумал: «*В конце концов, с контактным лицом я только обменялся несколькими словами, я совсем не знаю его*».

После того как курьеры заплатили штраф, их отпустили. Как радовался Стивен, что выполнил свою миссию!

В следующий раз, когда его друг Виктор был в Восточной Германии, его поймали на пути к контактному лицу. Полиция конфисковала всё: и литературу, и транспортное средство. А Виктора и его товарища Рэнди арестовали и допрашивали в Восточном Берлине в течение трёх дней.

— Удивительно, сколько раз Господь избавлял тебя, Стивен, — сказала я. — Его благосклонная рука всегда была на тебе!

«*Будет ли Его благосклонная рука также на Костикэ?*» — думала я.

Дисциплина в Раховской тюрьме, где содержался Костикэ, была суровой. Любые признаки сопротивления неизбежно пресекались избиениями.

— Выдрайте каждый сантиметр камеры! — крикнул один надзиратель Костикэ и другим заключённым.

— Я хочу, чтобы все решетки сияли! — приказал другой.

Каждый день Костикэ на коленях натирал каждый сантиметр пола камеры тряпкой.

— Я очень болен и ничего не слышу, — пожаловался он однажды надзирателю.

— Хорошо, я доложу начальству, — ответил он.

Прошла неделя, но ни врач, ни лекарство в его камере так и не появились.

— У меня ушная инфекция и жар, — сказал он другому надзирателю. Но тот только пожал плечами.

«Я не слышу ни звуков цепей других заключённых, ни громкий стук в дверь камеры по утрам, — думал он. — *Неужели я до конца жизни буду глухим?»*

В таком состоянии 26 сентября 1985 года Костикэ взяли из камеры, надели на него наручники и увезли в тюремном фургоне.

«Куда меня везут?» — задавался он вопросом.

Фургон остановился возле большого кирпичного здания, перед которым стояло много машин. Он узнал его: это здание суда в Бухаресте. *«Возможно, моя семья обжаловала приговор»,* — подумал Костикэ.

Костикэ завели внутрь и затолкали в большой зал. Дрожа, он бросил быстрый взгляд на присутствующих. Зал был переполнен. Справа он увидел свою жену, мать, братьев и сестру. Они улыбались ему и махали. Он заметил несколько важных людей, сидящих рядом с ними. Они были хорошо одеты и выглядели как иностранцы. Он чувствовал, что они были на его стороне.

Этими друзьями, приехавшими специально на слушание, были представители Соединённых Штатов Тони Холл, Крис Смит, Фрэнк Вольф и Марк Сильяндер, государственный представитель Том Ринер, сенатор Джин Хафф, а также Дэвид Аткинсон и Томас Кларк — члены британского парламента.

Раздался звук гонга. Присутствующие притихли.

Главный прокурор встал и зачитал: «Суд согласен пересмотреть дело Сфатку Константина, обвиняемого в покушении на убийство полицейского...» Он дочитал написанное до конца и сел.

— Где истец и свидетель обвинения? — спросил судья.

— Ваша честь, истец и свидетель принесли свои извинения. Они не могут присутствовать на заседании по семейным обстоятельствам.

Затем настал черед защитника.

— Ваша честь, я довожу до вашего сведения, что истец и свидетель обвинения изменили свои первоначальные показания.

Он приступил к чтению их новых показаний.

Костикэ всё видел, но ничего не слышал. Он пытался читать по губам.

— У вас есть что сказать в свою защиту? — спросил его судья.

— Я не виновен! — ответил Костикэ. По его щёкам текли слёзы.

Снова зазвучал гонг.

— Заседание окончено, — объявил секретарь суда. — Судья объявит своё решение позже.

Присутствующие начали расходиться. Иностранные чиновники пригласили членов моей семьи на обед. Мои родные чувствовали себя такими любимыми и благословенными!

После апелляции Костикэ возвратили в тюрьму. *«Есть ли для меня надежда, Господи? Буду ли я когда-нибудь снова свободным?* — задавался он вопросом. — *Они даже не сообщили мне, какое решение вынес суд...»*

Однажды один из заключённых спросил Костикэ:

— Какой у тебя приговор?

— Я не знаю, — ответил Костикэ.

— Значит, ты, должно быть, приговорён к смертной казни, как и все мы.

— Это — камера смертников, — объяснил другой заключённый.

Холодная дрожь прошла по телу Костикэ. Его сердце готово было выскочить из груди. *«Господи, помоги мне умереть верным Тебе!»* Он знал, что его считают опасным врагом государства.

Единственный способ, которым надзиратели могли общаться с Костикэ, были жесты. Однажды, несколько недель спустя, в камеру вошёл офицер и подал ему знак. Костикэ понял и последовал за ним во двор тюрьмы. На нем была тонкая

тюремная роба и теннисная обувь. Офицер жестом приказал ему спуститься в яму. Сверху отверстие было накрыто решёткой. В яме Костикэ сел на землю. Пошёл снег, и вскоре снежинки покрыли его голову. Он дрожал от холода.

Через несколько часов вернулся тот же офицер. Он подал ему знак. Костикэ последовал за ним обратно в камеру.

В тот вечер на ужин им давали варёную кукурузу и капустный суп. Костикэ посмотрел на лица других заключённых. «*Господи, какие же они худые и бледные!* — подумал он. — *И я, должно быть, выгляжу так же*».

Дни в тюрьме тянулись очень медленно. С пяти часов утра до половины десятого вечера заключённым было запрещено ложиться на кровати. В их распоряжении было всего несколько метров, чтобы ходить вперёд-назад.

Однажды один из заключённых начал избивать Костикэ.

— Помогите! Помогите! Он убьёт меня! — закричал Костикэ, однако никто не поспешил ему на помощь.

Устав избивать свою жертву, нападавший отдохнул, а затем снова принялся наносить ему удары кулаками и ногами. Костикэ лишь обхватил руками голову, чтобы защититься. Он не сопротивлялся.

— Помоги мне, Боже! — воскликнул он. — Спаси меня!

На следующий день, когда нападавший находился в более спокойном состоянии, Костикэ спросил его:

— Почему ты вчера бил меня?

— Мне пообещали досрочное освобождение, если я смогу заставить тебя ударить в ответ, — признался он.

Неделю спустя в камеру вошёл мужчина в костюме.

— Здравствуйте, гражданин Сфатку, — сказал мужчина. — Я представитель правительства. Я пришёл, чтобы сделать вам предложение. Если вы согласитесь на сотрудничество, сегодня же вы сможете вернуться домой.

— Что за предложение? — поинтересовался Костикэ.

— Расскажите нам, как Библии попадают в нашу страну и кто их распространяет.

— Я уже рассказал всё, что знаю. Мне больше нечего добавить.

— Тогда вы проведёте здесь очень много времени, — угрожающе произнёс мужчина и ушёл, хлопнув дверью.

Была холодная зима, и еда была очень плохой. Ночью Костикэ сидел, съёжившись, под одеялом. Он обнимал ноги, чтобы согреть их. Он знал, что на нём остались только кожа да кости. Вдруг ему вспомнился стих из Библии: «Я взыскал Господа, и Он услышал меня, и от всех опасностей моих избавил меня» (Книга Псалмов 33:5).

Через неделю Эстера получила письмо из суда. В нем сообщалось, что приговор Костикэ сокращён с семи с половиной лет до четырёх с половиной. Однако служба безопасности запретила доводить эту информацию до ведома Костикэ.

Глава 12

Непринятая передача

После рассмотрения апелляции по делу Костикэ судом в Бухаресте никто не сообщил ему о результатах. Он продолжал думать, что приговорён к смерти или пожизненному заключению.

«Даже если сюда явятся короли и королевы, они не смогут спасти Сфатку из наших рук!» — любил повторять начальник службы безопасности.

Я в это время была со Стивеном в Гилфорде, в Англии. Мы остановились у друзей в прекрасном доме с пятью спальнями. Цветы на окнах и дубовая мебель с большими зеркалами придавали дому особое очарование. Был холодный день, и я надела красный шерстяной костюм; Стивен был в синем свитере, связанном его матерью. Мы сидели у камина в гостиной и пили горячий сидр с корицей.

Стивен работал неполный рабочий день в Кестонском колледже, центре изучения религии и коммунизма. Он также заботился о большей части подготовки к нашей свадьбе. В тот день я помогала ему разослать приглашения. Старинные часы в углу умиляли нас своим перезвоном: *динь-дон, динь-дон, динь-дон!*

— Почему у нас не может быть нормальной свадьбы, полной радости, как у любой другой пары?! — сказала я Стивену. — Костикэ находится в тюрьме, полиция пытается арестовать Теодора и Эрцсо.

— Господь благословит тех, кто страдает за Него, — ответил Стивен. — Позволь мне рассказать историю, которая однажды произошла со мной.

«*Странно,* — подумала я, — *его глаза сверкают юмором*».

Многие верующие за «железным занавесом» рисковали своими жизнями ради распространения Библий. В Сибири Библий было очень мало. Единственным способом для христиан получить там Библии — это напечатать их на подпольных печатных станках. Семьи годами жили под землёй, чтобы печатать Библии, которые потом распространяли другие. Печатные станки ввозили контрабандой в Россию по частям и собирали там в подполье. Они постоянно нуждались в новых поставках чернил и других расходных материалов, а также запчастей с Запада.

Именно для этого Стивен отправлял курьеров в Москву или Ленинград. Он также и сам был курьером и когда-то возил чернила. Была весна 1982 года. Стивена сопровождал его друг Дейв из Англии. В офисе миссии в Вене они усердно трудились, готовясь к поездке. Они изготовили специальные плотные, прочные пластиковые пакеты для чернил, размером шестьдесят на пятнадцать сантиметров, содержащие по два литра чернил. Стивен положил по пакету на каждое плечо и приклеил к телу медицинской липкой лентой. Затем он закрепил третий пакет на талии, используя длинный эластичный бинт и булавки. Дэйв сделал то же самое. Используя двенадцать литров чернил, находившихся теперь на их телах, в Сибири можно было напечатать несколько тысяч Библий.

Чтобы не вызвать никаких подозрений на таможне, курьерам нужно было одеться в толстую свободную одежду. Стивен надел толстую рубашку, свитер, жилет и вельветовые брюки, а также упаковал в чемодан сменный комплект. Команда вместе помолилась и отправила их в путь.

В тот же день Стивен и Дейв в Вене сели в поезд, следовавший через Венгрию в Советский Союз. К счастью, в их купе больше никого не было. Они устроились поудобней и были готовы к двенадцатичасовому путешествию в Киев. Вскоре в вагон вошли венгерские таможенники. Они проверили визы и осмотрели багаж. Когда они ушли, Стивен прилёг. *«Как прекрасно, что теперь можно расслабиться и отдохнуть!»* — подумал он. Однако его отдых оказался коротким...

Внезапно он почувствовал на спине что-то мокрое. *«О нет! Только не это!»*

Он встал, прошёл по коридору в уборную и запер дверь.

Поезд набирал скорость. *Чух-чух, чух-чух, чух-чух,* — слышно было под ногами. Он прислонился к внутренней части двери, чтобы сохранять равновесие, и заглянул под рубашку. *«Где же именно течёт?»* Его сердце билось неудержимо. Чернила вытекли из одного из пакетов на плече и текли вниз по спине на рубашку и брюки. Он снял ленту, которой пакет был прикреплён к телу, и бросил пакет в отверстие унитаза, в котором быстро мелькали шпалы.

Он осторожно открыл дверь. Посмотрел направо и налево. Никого вокруг. Он побежал обратно в купе.

— Дэйв, быстро! Принеси мне в туалет сменную одежду!

И Стивен побежал обратно в туалет. *«Спасибо Тебе, Господи, что за это время никто не занял его!»* — поблагодарил он Бога, снова запирая дверь.

Через несколько минут пришёл Дейв с одеждой. Стивен взял её и снова заперся.

Стивен знал, что ему предстоит провести в уборной довольно длительное время. *«Главное — не растеряться,* — подумал он. — *Помоги мне, Господи!»* Он осторожно повесил чистую одежду на крючок, затем снял рубашку, жилет и брюки. Всё это он выбросил в унитаз. Его руки, плечи и спина были

черными. Когда же он снимал жилет, то черными стали и его волосы. Он начал мыться водой с мылом. Он посмотрел в зеркало, чтобы увидеть, все ли удалось смыть, однако упрямые следы чернил остались.

Кто-то забарабанил дверь. За дверью послышались женские голоса. «Подождём, пока туалет освободится», — сказала одна из них.

«*Ждать вам придётся очень долго!*» — подумал Стивен. Когда же он услышал их отдаляющиеся шаги, то почувствовал облегчение. А что, если вернуться пограничники и прикажут мне выйти? Он знал, что они могут осматривать туалеты в любое время. Его сердце, казалось, застыло от ужаса.

Стивен осмотрел уборную и увидел, что вокруг всё измазано чернилами — раковина, стены и пол. Чтобы отмыть их, он использовал всю туалетную бумагу. Он не хотел оставлять за собой ничего подозрительного.

Вся операция заняла несколько часов. Когда вокруг было чисто, он надел новую одежду и из уборной вышел новый мужчина.

«*Спасибо, Господи, что Ты спас меня!*» — молился Стивен, возвращаясь в купе.

Следующей ночью они доставили десять литров чернил контактным лицам в Киеве, а те передали их дальше — в подпольные христианские типографии в Сибири.

Слушая историю Стивена, я смеялась.

---

16 ноября 1985 года в баптистской церкви города Гилфорд, графство Суррей, Англия, я вышла замуж за Стивена. На мне было длинное белое платье, венок из цветов и фата. Стивен был в светло-коричневом костюме в ёлочку с белой гвоздикой в лацкане. Джин Хафф сдержал своё обещание и

прилетел выдать меня замуж. Его сопровождали его жена Этель и ещё одна супружеская пара. Две сестры Стивена, Руфь и Мэри, были подружками невесты. Они были одеты в бледно-бирюзовые платья с цветочным орнаментом. Пол Бут, сопровождавший Стивена в Румынию во время его первого визита, был другом жениха.

На венчании присутствовало около ста человек. Церковь организовала нам прекрасный свадебный приём. К моему удивлению, в последний момент моя мама получила разрешение на выезд и также присутствовала на свадьбе. Сильвия и Елена, мои давние подруги из Румынии, приехали из Соединённых Штатов. Стивен и Джоан Холл приютили некоторых из гостей, которые нуждались в ночлеге. Из Бексхилла приехали родители Стивена и остановились у них.

Когда мы заходили в комнату для регистрации брака, звучала кассетная запись хора моих детей из Румынии.

Брачный банкет проходил в одном из помещений церкви. Гостей угощали всевозможными деликатесами, расставленными на длинных столах: румынской капустой, жареной курицей, ростбифом, диким рисом с травами, салатами, сырами, фруктами, всевозможными десертами и пирожными. Свадебный торт был фруктовым с глазурью. Среди других десертов был лимонный пирог с кремом безе.

Сенатор Джин Хафф сидел справа от меня, а моя мама — рядом с ним. «Этот пирог безе очень вкусный. Тут счёт — на секунды! Пойду-ка я принесу себе ещё порцию, пока он не закончился», — сказал Джин, вставая.

Он вернулся со второй порцией и поставил её на стол напротив себя. Однако, прежде чем сесть, он обернулся, чтобы

что-то сказать другу жениха. Тем временем моя мама, которая думала, что этот пирог — для неё, потянула его к себе, и когда сенатор Хафф сел, на тарелке уже почти ничего не осталось.

«Вы украли мой пирог!» — смеясь, сказал ей сенатор.

Моя мама хихикала до конца приёма. Я была рада хоть сейчас видеть её счастливой.

В качестве свадебного подарка Джин, Этель Хафф и их друзья отправились в Румынию, чтобы встретиться с моей семьёй. Мы передали им немного сухой салями, чтобы отвезти для Костикэ. Когда они прибыли в Бухарест, то взяли такси до Раховской тюрьмы.

Подойдя к воротам, Джин достал удостоверение личности и протянул его дежурному.

— Я — сенатор Джин Хафф из штата Кентукки в США, — представился он.

— Что вам нужно? — спросил дежурный.

— Я приехал к Константину Сфатку.

— Посещать заключённого Сфатку разрешено только его семье, — отрезал он.

— Я — его брат, — возразил Джин.

Дежурный растерялся и начал звонить по телефону. Он заставил их ждать около часа.

— Вы не можете встретиться с ним, — наконец объявил дежурный. — Прошу вас покинуть помещение.

Из Бухареста сенатор Хафф и его сопровождающие отправились в Яссы. Они посетили мою семью и церковь. Их посещение воодушевило всех христиан.

Пока Костикэ находился в тюрьме, начальник Эстеры настаивал, чтобы она развелась с ним. Он мотивировал своё требование тем, что другие сотрудники не хотят работать с женой заключённого. Когда она отказалась, он заставил её уволиться по собственному желанию. Эстера отказалась писать заявление. «*Господи, не дай мне потерять работу,* — молила она Бога. — *Я не могу потерять зарплату и свою продуктовую карточку!*»

Эстера боялась оставить детей одних, даже на минуту, опасаясь, что их может отобрать полиция. Пока Эстера была на работе, с ними оставалась её мать. Детей заключённых часто останавливали на улице сотрудники службы безопасности, когда они возвращались домой из школы, и забирали в интернаты.

Тео было шесть лет, а Дженовьеве — пять. Каждый день они молились: «*Господи, пожалуйста, храни папу в тюрьме; согревай его и не позволяй ему голодать*».

За домом Эстеры днем и ночью велась слежка. Её мать теперь жила с ними. Однажды ночью, около второго часа, женщины услышали шум на крыше. Казалось, будто два или три человека забрались на чердак и ходят. *Туп-туп, скрип-скрип*. Все проснулись и в ужасе начали прислушиваться.

— Давайте выйдем из дома, — предложила Эстера.

Все выбежали во двор. В незапно Тео перестало быть страшно. Он посмотрел на крышу, сложил руки рупором и громко закричал: «Полицейские, ну-ка спускайтесь с крыши! Иначе я позвоню американцам!»

Вскоре после этого мужчины ушли, а семья снова легла спать.

В декабре Эстера получила весточку из Раховской тюрьмы. Ей сообщали, что она может навестить мужа и привезти ему пятикилограммовую передачу с едой.

— Мы можем поехать увидеть папу! — обрадовала она детей.

— А когда мы поедем? Когда?! — спрашивали они, прыгая от радости.

— Давайте уже начнём готовиться! — ответила им мама.

Дети помогли Эстере упаковать еду: сухой сыр, салями, орехи и печенье.

Той же ночью Эстера и дети сели в поезд, идущий в Бухарест. Тео и Дженовьева уснули на коленях у матери. А Эстера всю дорогу мечтала о том, как она обнимет Костикэ. В уме она готовила мужу слова любви и поддержки.

В шесть часов утра на следующий день поезд прибыл в Гара де Норд. К тюрьме они добрались на такси и стояли там, холодные и уставшие. Эстера передала дежурному офицеру карточку с разрешением на свидание. Он взял её и начал искать имя в списке.

— Сфатку Константина здесь больше нет, — сказал он.

— А где же он? — удивилась Эстера.

— Ищите его в Яссах, — предположил дежурный.

— Пожалуйста, проверьте ещё раз! — умоляла она.

Дежурный уточнил у начальника тюрьмы.

— Нет, его здесь нет, — сказал он и вернул карточку.

Эстера и дети покинули тюрьму со слезами на глазах. Они плакали всю дорогу до железнодорожного вокзала, а затем отправились в поезде за четыреста километров обратно в Яссы.

Когда Эстера вернулась, дома её ждала посылка.

— Почтальон принёс это сегодня утром, — сказала её мать.

Эстера быстро открыла её.

— Одежда Костикэ вернулась из бухарестской тюрьмы! — она искала записку с объяснением, но ничего не нашла.

— Должно быть, он мёртв... — едва слышно прошептала она и снова заплакала.

Мать нежно обняла дочь.

На следующий день Эстера вспомнила, что ей сказали в бухарестской тюрьме. Она пошла в тюрьму в Яссах узнать, нет ли там Костикэ. Но никто, казалось, не знал его местонахождение.

В течение следующих двух месяцев Эстера ездила из тюрьмы в тюрьму в поисках мужа — живого или мёртвого.

«Никакой надежды не осталось. Должно быть, он мёртв», — наконец сдалась Эстера.

Однажды вечером дядя Эстеры, Аврам, приехал из Рэдэуци, чтобы навестить племянницу и её детей.

— Я хочу рассказать вам сон, который мне дал Господь, — сказал он. — В этом сне я видел семерых судей за длинным столом. Все они были одеты в черные одежды с капюшонами. Перед ними стоял Костикэ. Он был одет в белое. Остальная часть семьи стояла у двери, дрожа. Семеро судей выдвигали против них обвинения и указывали на них пальцами. Внезапно через дверь и окна в комнату ворвался сильный ветер. Он был настолько стремительным, что сорвал с семерых судей черные капюшоны... черные одежды..., а затем низложил их на землю. Тогда Костикэ и вся семья вырвались на свободу!

— Спасибо, дядя Аврам, — сказала Эстера.

«Господи, пусть это скоро сбудется!» — взмолилась она.

Дженовьева с Костикэ, Эстерой, Тео и Дженовьевой в пансионата Etnea, Рим, где они пробыли десять дней до их отъезда в Соединённые Штаты, июль 1986 г.

Дженовьева встречает Теодора и Эрцсо в аэропорту Рима, сентябрь 1986 г.

Глава 13

Сон Костикэ

После свадьбы мы сняли дом в деревне Шалфорд, недалеко от Гилфорда. Стивен продолжал работать в Кестонском колледже и информировал всех о моей семье. В то время служба новостей Кестона обеспечивала многие миссии информацией о преследуемой церкви. И дело Костикэ получило всемирную огласку. Надеясь заручиться как можно большей поддержкой общественности для моей семьи, я использовала любую возможность, чтобы рассказать о страданиях христиан в Румынии. Я свидетельствовала в церквях, в школах, в женских домашних группах и давала интервью на радио и телевидении.

Организация «Международная христианская солидарность» пригласила меня рассказать о моей семье во время приёма в палате общин, нижней палате парламента Великобритании. Находясь там, я также дала интервью румынскому репортёру радио «Свободная Европа». Это интервью несколько раз транслировалось и в Румынию. Президент Рональд Рейган упомянул семью Сфатку во время выступления в Конгрессе США и потребовал их освобождения в качестве условия для восстановления международного статуса Румынии. Госсекретарь Шульц лично встретился с Чаушеску по их делу. Несмотря на все наши усилия и огласку, для моей семьи, казалось, ничего не менялось. Однако так только казалось...

В марте 1986 года я начала проходить интенсивный трёхмесячный курс обучения радиосвязи, преподаваемый «Всемирным радио» в Бексхилл-он-Си. Они обучали миссионеров со всего мира вещать Евангелие своим порабощенным народам. Главный эксперт, обучавший нас, был сотрудником Би-би-си.

После того, как сенатор Хафф посетил тюрьму, все в камере Костикэ получили дополнительное одеяло и двойные порции еды.

Однажды ночью Костикэ приснился сон. На следующее утро он поделился им с другими заключёнными. «Во сне я видел молодую ель со множеством зелёных ветвей, — начал он. — Затем я увидел руку. Рука потянулась к дереву и отломала маленькую веточку. Сон был живым и ярким».

Заключённые слушали внимательно. Один из них, молодой цыган, сказал: «Вот толкование твоего сна: молодая ель — это ты. Много зелёных веток значит, что тебя ждут много благополучных лет. Рука, которая отломала небольшую ветку, означает, что ты будешь в тюрьме только один год. Потом тебя освободят!»

«Как бы мне хотелось, чтобы это было так...» — тихо произнёс Костикэ.

После многих недель поисков Эстера нашла Костикэ в Раховской тюрьме Бухареста. Всё это время он находился там. Ей разрешили посещать мужа в течение десяти минут раз в пять месяцев.

Эстера и дети прибыли в тюрьму. Их провели к месту встречи. Они разговаривали с Костикэ под пристальным наблюдением вооружённого охранника.

«*Какой он худой!* — подумала Эстера, глядя на мужа. — *И в какую ужасную одежду он одет! Но я так люблю его!*»

— Я скучаю по тебе, Эстера, — сказал Костикэ со слезами на глазах.

Во время свидания маленький Тео подошёл к охраннику, подергал его за рукав и спросил: «Дядя, а когда вы позволите моему папе вернуться домой?»

В смущении охранник опустил глаза.

Этот визит был недолгим, но Эстера была счастлива. «*Спасибо Тебе, Господи, что Ты сберёг жизнь Костикэ,* — возблагодарила она. — *Но когда же он опять будет с нами?*»

---

18 апреля 1986 года Костикэ перевели в другую камеру и оставили там одного. Его сердце наполнили реки радости. Он вспомнил христианский гимн и пел его снова и снова.

«Христос воскрес из мёртвых!
Своей смертью Он смерть попрал.
Теперь мёртвым Он даёт Жизнь!»

Костикэ молился: «*Спасибо Тебе, Господи, что Ты — мой Спаситель. Ты — моя самая большая радость!*»

19 апреля 1986 года, ровно через год после ареста, Костикэ сообщили: «Тебя приказано освободить из тюрьмы. Сегодня ты пойдешь домой!»

В то утро на работе Эстера получила телефонный звонок.

— У меня для тебя хорошая новость! — радостно воскликнула

жена пастора. — Константин на свободе! Сейчас он поездом едет домой!

Эстера вскрикнула от неожиданности и от радости одновременно. Она побежала домой, схватила все деньги, которые у неё были, и побежала на рынок. Там она увидела старика, который стоял с ведром цветов в ожидании покупателей.

— Продайте мне все цветы, которые можно купить за эти деньги, — сказала Эстера. — Вот двести леев. Сегодня самый радостный день в моей жизни. Мой муж свободен и вечером уже будет дома!

Старик обрадовался за Эстеру и предложил:

— Тогда берите все цветы!

С огромной охапкой цветов Эстера побежала домой. Она смеялась и громко повторяла: «Он свободен! Он свободен! Он едет домой!»

Ей было всё равно, что на неё смотрят люди. Ровно год назад она громко рыдала, когда шла по той же улице, возвращаясь из полицейского участка. Теперь пришло время громко ликовать.

В тот вечер Костикэ вернулся домой. Весть об его освобождении быстро распространялась среди друзей. Дом снова наполнился братьями и сёстрами из церкви, которые пришли порадоваться вместе с семьёй Сфатку. Даже соседи-нехристиане забежали поздравить Костикэ с освобождением и признали: «Твой Бог — единственный истинный Бог!»

Как-то утром я была на занятиях по обучению радиосвязи в поместье Хёрчингтон, в Бексхилл-он-Си, в Англии. Вдруг зазвонил телефон.

— Спрашивают вас, Дженовьева, — сказал мне мой учитель Фил Бут.

— Здравствуйте! — неуверенно произнесла я в трубку, пребывая в странном предчувствии.

— Это я, — услышала на другом конце голос Стивена, выдававший его волнение. — Костикэ свободен, и теперь он дома с Эстерой!

— О, как замечательно! — воскликнула я и запрыгала от радости.

Страдания моей семьи произвели великое пробуждение в Яссах. Церкви объединились в молитве. Однажды вечером шестьдесят человек посетили церковь из любопытства, и в тот вечер все получили спасение. Во время их крещения, несколько месяцев спустя, ещё тридцать человек посвятили свои жизни Господу.

Вскоре после освобождения Костикэ вся моя семья получила политическое убежище в Соединенных Штатах. Костикэ, Эстера и их дети покинули Румынию в июне 1986 года. В Уиттиере, штат Калифорния, у них родился ещё один сын, Стивен. Теодор и Эрцсо покинули Румынию в сентябре 1986 года, а в Риверсайде, также в Калифорнии, у них родились дочь Джой и сын Натан. Моя мать покинула Румынию в 1987 году вместе с моей сестрой Авророй, её мужем Вирджилом и их двумя детьми, Лорой и Баби. Самыми последними покинули Румынию и поселились в Калифорнии мой брат Дионисий, его жена Вирджиния и их дети Корина, Юлиан, Влад и Богдан.

Живя в США, мы никогда не забывали тех, кто остался в Румынии. Мы со Стивеном основали миссию, чтобы помогать бедным и распространять Евангелие на моей родине, особенно среди детей. После революции 1989 года мы смогли приумножить свои усилия. Для получения дополнительной информации о нашем служении, пожалуйста, посетите наш веб-сайт: www.genovieva.org.

Содержание

Посвящение 3

Глава 1: Пророчество 5

Глава 2: Последний груз 19

Глава 3: Ночь допросов 33

Глава 4: Закопанные Библии 43

Глава 5: Добрый Пастырь 57

Глава 6: Камера пыток 70

Глава 7: День суда 79

Глава 8: В здании суда 86

Глава 9: «Ты выйдешь за меня?» 99

Глава 10: Поезд смерти 107

Глава 11: Апелляция 117

Глава 12: Непринятая передача 125

Глава 13: Сон Костикэ 135